

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СЕВАСТОПОЛЬЦА.

I.

Всякій человекъ имѣетъ свое прошлое съ разнородными воспоминаніями и впечатлѣніями, и вся жизнь его составлена изъ превратностей, которыя мы называемъ судьбою, предопредѣленіемъ, рокомъ. По невѣдомымъ намъ законамъ, и отдѣльной личности, и цѣлому народу приходится переживать трудныя минуты; но, въ счастію человечества, въ жизни все проходитъ какъ сонъ; улетучивается какъ мечта: остаются только воспоминанія пережитаго прошлаго. Въ силу этого-то закона и у меня есть свое прошлое, пережитое.

Въ службу я вступилъ унтеръ-офицеромъ, съ выслугою трехъ мѣсяцевъ за рядоваго, 2-го мая 1849 года; юнкеромъ утвержденъ «на двухлѣтнихъ правахъ» въ 1853 году 16-го іюня, а за выслугу лѣтъ произведенъ въ прапорщика въ 1854 году, мая 25-го дня. Оставляю пробѣлать въ своихъ воспоминаніяхъ до перехода русскихъ войскъ въ придунайскія княжества Молдавію и Валахію, по объявленіи Россією войны Турціи въ 1853 году, и начну съ круныхъ эпизодовъ событій между воюющими сторонами. Наши войска заняли всю лѣвую береговую линію Дуная въ Молдавіи и Валахіи, а турецкія, на своей территоріи, охраняли правый берегъ рѣки, обмѣниваясь съ нами, при первомъ удобномъ случаѣ, выстрѣлами. Но это было только прелюдіей кровавой драмы, имѣвшей въ послѣдствіи принять грозныя размѣры. Турки, для внадежденія на насъ, иногда переправлялись черезъ Дунай въ княжества, и, въ величайшему нашему прискорбію и удивленію, съ театра войны мы получали печальныя извѣстія, производившія на насъ тоскливое впечатлѣніе....

Люблинскій полкъ, въ которомъ я тогда служилъ еще неопытнымъ юнкеромъ, постоянно находился въ передвиженіяхъ съ одного мѣста на другое, и только въ ноябрѣ мы стали лагеремъ подъ городомъ

Баларашомъ, въ виду крѣпости Силистріи. Насъ отдѣляли отъ нея Дунай, десятиверстная болотная, съ камышами, равнина острова и рѣчка Борча, протекавшая у подошвы Балараша. Въ ожиданіи нападенія турокъ, мы выкопали вдоль берега Борча траншею и строили бараки для зимнихъ квартиръ. Въ нашемъ лагерѣ по цѣлымъ ночамъ горѣли бивуачные огни; спать было въ палаткахъ невыносимо, и я часть ночи просаживалъ около костровъ; нагрѣвшись сдереда, поворачивалъ спину къ огню, чтобы и ей сообщить теплоту, но отъ быстрой перемены температуры испарина, появлявшаяся на обогрѣтой части тѣла, очень скоро охлаждалась, отчего я получалъ сильныя ревматическія боли въ лицѣ. Между тѣмъ холода съ каждымъ днемъ становились крайне чувствительными; по утрамъ особенно жутко было вставать намъ. Десяточный мой, ефрейторъ Степанъ Пеларскій, каждое утро приносилъ мнѣ и моему товарищу, юнкеру Цимпелевичу, по крышкѣ ротной водки, съ почтительнымъ приглашеніемъ: «не угодно ли вамъ, судыри, обогрѣться». «Судыремъ» назывался промежуточный чинъ юнкерскій, между чинами капраннаго ефрейтора и прапорщичьимъ. Мы, лежа на соломѣ, съ большимъ удовольствіемъ залпомъ выпивали согрѣвающего нектара, закуривали папирсы, и черезъ четверть часа, когда брюшные и мозговые наши органы были искусственно возбуждены, въ веселомъ расположеніи духа вставали съ соломеннаго ложа. 14-го ноября отрядный нашъ начальникъ, генералъ Богусевскій, убѣдившись, что турки не думаютъ на насъ нападать, распустилъ насъ на зимнія квартиры.

1-го января 1854 года, съ восходомъ солнца, мы услышали ружейные выстрѣлы въ сторонѣ Силистріи, заняли свои траншеи вдоль рѣчки Борча, и ожидали нападенія турокъ; но правовѣрные, при всей своей тупоголовости, оказались умными ребятами: нападать на насъ, при тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ мы находились, нашли для себя невыгоднымъ, закончили свою экспедицію тѣмъ, что ранили нѣсколькихъ нашихъ казаковъ и лошадей, да угнали съ собой черезъ Дунай, въ Силистрію, большое стадо овецъ, зимовавшее на островѣ. За этия стадомъ собственно они и переправлялись. Генералъ Богусевскій послалъ противъ нихъ баталіонъ пѣхоты, который перешелъ мостикъ черезъ Борчу по два человека въ рядъ, но послѣ трудной переправы возвратился: турки уже очистили островъ. Тѣмъ не менѣе генералъ велѣлъ, на всякій случай, выстроить черезъ рѣчку широкій мостъ, чтобы можно было пройти по немъ шестирядной колоной.

Дюблинскій полкъ опять сталъ переходить съ мѣста на мѣсто;

но бывали и у насъ свободные дни, въ которые мы, не спрашиваясь европейской дипломатіи, втихомолку вели малую войну съ правовѣрными черезъ Дунай: мы прятали свою штуцерную цѣпь на берегу за вербами, и при появленіи турецкихъ вѣжновъ на противоположной сторонѣ, салютовали имъ выстрѣлами, иногда очень удачными, такъ что нѣсколько правовѣрныхъ, послѣ нашихъ салютовъ, оставались на берегу опочивать сномъ непробуднымъ.

Последнее странствіе нашего полка было изъ города Калараша въ городъ Браиловъ; тамъ мы узнали отъ замостцевъ двѣ новости: первая была пріятная: они не путешествовали такъ, какъ люблинцы; вторая очень грустная: ихъ побили турки.

Русскій солдатъ, въ большей части случаевъ, храбръ, неустрашимъ, великодушенъ, добръ по природѣ.... Виноватыми оказывались тѣ начальники, которые штурмовали тамъ, гдѣ нужно было бомбардировать, не подавали во-время руку помощи одинъ другому тамъ, гдѣ она была нужна, устраивали безъ всякой надобности траншею вдоль незамерзавшей рѣки, а навести мостъ черезъ рѣку забывали.... Катастрофа, постигшая замостцевъ, была такова: нашъ пароходъ, дѣлавшій рейсы по Дунаю, между городами Галацонъ и Браиловыиъ, долженъ былъ вровести ночью въ Браиловъ, на бумсирѣ, канонерскую лодку съ порохомъ, а на турецкомъ берегу Дуная была четырехорудійная батарея. Чтобы отвлечь вниманіе ея отъ парохода, генералъ Ангельгардтъ распорядился послать на каларашахъ (гребнымъ суда молдавскія) двѣ роты Замостцаго полка на турецкій берегъ; но одна изъ посланныхъ ротъ воротилась: судно имѣло течь; другая рота высадилась благополучно на непріятельскомъ берегу. Передаю разсказъ со словъ очевидца. Ночь была темная, хоть главъ вывели; рота, съ цѣпью впереди, двинулась вдоль берега, какъ вдругъ засверкали огоньки, раздался грохотъ орудій, и посыпался свинцовый градъ съ картечью.... Солдаты бросились въ штыки, дошли даже до батареи, но принуждены были отступать.... Въ великому счастию замостцевъ, турки ихъ не преслѣдовали: въ противномъ случаѣ, ни одинъ солдатъ не возвратился бы хотя для донесенія, какаго судьба постигла его товарищей.... На другой день генералъ Ангельгардтъ спросилъ командира роты, возвратившагося изъ роковой ночной экспедиціи:

— Капитанъ! гдѣ вы оставили вашихъ людей?

— Тамъ, ваше превосходительство, куда вы ихъ послали....

Послѣ такого категорическаго отвѣта, генералъ замолчалъ.

Я не тактикъ, не стратегъ; но мое мнѣніе, какъ простаго слу-

живаго, такоо, что пороокъ можно было бы доставить и сухимъ путемъ, а не на канонерской лодкѣ по Дунаю изъ Галаца въ Браиловъ: между обоими городами разстояніе около сорока верстъ по прекрасной, ровной дунайской долинѣ.

Этими несчастными инцидентами закончилась для насъ первая кампанія въ нияжествахъ, до перехода русскихъ войскъ на турецкую территорію.

11-го марта 1854 года, русскія войска переправились изъ города Браилова на правый берегъ Дуная, въ четыре часа пополудни, подъ неприятельскими выстрѣлами.

За нѣсколько дней до переправы, наша артилерія вела, съ острова Бындоя, усиленные переговоры съ неприятельскими батареями, построенными на правомъ берегу Дуная. Около двухъ часовъ пополудни, Люблинскій полкъ сталъ собираться для переправы. Когда я вышелъ изъ своей квартиры, на встрѣчу мнѣ попала старуха-цыганка, съ ведрами воды на плечахъ, съ трубкой во рту; она свирѣно отплевывалась во всѣ стороны, и, какъ грохотавшій, съ растрепанными волосами, остановилась передо мной, указывая рукою въ сторону грохотавшихъ пушечныхъ выстрѣловъ. — «Аста баты таря, есты тунуръ руссаско» (это бьетъ вѣрно, и есть орудіе русское), «а аста баты ну таря, есты тунуръ турчаско» (а это бьетъ невѣрно, и есть орудіе турецкое). Мнѣ понравилось пониманіе простой женщины выстрѣловъ; я далъ ей на нѣсколько трубокъ табаку, за что и получилъ въ признательность «форте монцемиска» (покорно благодарю) и «мержи синатосъ» (идите здоровы), съ искреннимъ желаніемъ не быть убитымъ турками. Послѣ общаго разныкъ вѣжливостей и «романеть синатосъ» (оставайтесь здоровы), принятыхъ между цивилизованными народами, мы стали подвигаться впередъ къ берегамъ Дуная, многократнаго свидѣтеля переправы русскихъ. Глазамъ нашимъ представилась великолѣпная огненная картина: съ обѣихъ сторонъ рѣки гремѣлъ учащенный пушечный огонь; по берегамъ и по водамъ медленно носился сплошной массой дымъ; камыши горѣли, зажженные снарядами; ружейная перестрѣлка трещала. Насъ переправили на парусныхъ греческихъ судахъ, при помощи нашей флотиліи. Переправа окончилась благополучно; турки отступили къ городу Мачину. Войска исполнили съ честію то, что имъ было поручено.

На третій день послѣ переправы, съ утра посланы были рабочіе отъ Замоспаго полка похоронить убитыхъ храбрыхъ товарищей, положившихъ свои кости около батарей на турецкомъ берегу.

Мнѣ было уже извѣстно, что мой товарищъ, прапорщикъ Пеневскій, не возвратился изъ роговой для него ночной экспедиціи. Этотъ достойный офицеръ, лишь за нѣсколько дней до экспедиціи, выжидался изъ госпиталя, и такъ какъ онъ еще не укрѣпился въ физическихъ силахъ, то товарищи совѣтовали ему не ходить въ экспедицію. Въ сомнѣніи, Пеневскій боялся прослыть трусомъ, за что и напелъ себя могилу въ волнахъ Дуная. Я отправился съ рабочими къ батарее, чтобы увидѣть хотя трупъ несчастнаго товарища. Мнѣ представилось здѣсь поразительное зрѣлище: около батареи лежало нѣсколько человеческихъ головъ, съ отрубленными ушами и носами, съ выколотыми глазами; черепа и лица были избѣчены ятаганомъ, но трупа ни одного не было видно. Стали искать въ рѣзѣ, и вытащили четыре или пять труповъ обезглавленныхъ, раздутыхъ, посинѣлыхъ, нагихъ, обмѣланныхъ раками. На обнаженномъ тѣлѣ Пеневскаго были раны: зубная челюсть разбита картечью; на шеѣ, около горла, рана отъ пули; спина синяя отъ контузии ядромъ; лѣвая щека опухла. Полковой священникъ отслужилъ отпѣваніе усопшихъ, и безъ гробовъ и савановъ нагя тѣла ихъ положены въ землю. «Нагъ родился, и нагъ отошеть».

Странникъ! Если тебѣ случится проходить по пустынной долинкѣ Дуная, заросшей камышами и вербами, и если ты, въ двухъ съ половиною верстахъ отъ переправы изъ города Браилова въ городъ Мачинъ, на берегу Дуная, по направленію къ Галацамъ, найдешь турецкую батарею, то, ставъ лицомъ къ востоку, въ двадцати шагахъ отъ лѣваго фаса ея, увидишь рядомъ двѣ уединенныя могилы: въ одной изъ нихъ лежатъ кости храбрыхъ солдатъ Замосцкаго полка, а въ другой, что лѣвѣе, кости храбраго прапорщика Пеневскаго...

Дальнѣйшее движеніе нашихъ войскъ къ крѣпости Силистріи было очень медленно. Первый занятый нами непріятельскій городъ былъ Мачинъ. Осматривая его, я зашелъ къ мечети, и засталъ въ ней діакона православной мѣстной церкви, усердствовавшего избіеніемъ неполной луны и письменъ изъ корана, налѣпленныхъ на стѣнкѣ. Онъ мнѣ разсказалъ послѣдствія нападенія замосцевъ на турецкую батарею: артиллеристы турецкіе, «свои своя непознаша», въ перепугѣ стрѣляли картечью по своимъ, и на другой день на трехъ большихъ возахъ, наваленныхъ трупами какъ снопами, привезли убитыхъ похоронить около города. За такую непроизводительную затрату правовѣрныхъ, сердаръ, командовавшій войсками, произвелъ эксперименты надъ офицерами, оказавшимися близорукими во мглѣ ночной.

При нашемъ наступательномъ движеніи, турки насъ мало беспокоили; всё наши обозы шли позади отряда, вслѣдствіе чего мы, послѣ дневнаго похода, сами себѣ, на позиціи для ночлега, приготовляли ужинъ изъ разнородныхъ снадобій: изъ мелкихъ сахарей съ саломъ и съ малою толликою половаго луку, съ кое-какими прищесами, въ жестяныхъ котелкахъ. Мой ефрейторъ, Степанъ Пекарскій, былъ для меня добрымъ геніемъ: онъ, какъ милосердый самарянинъ, всегда усердствовалъ въ приготовленіи мнѣ ужина, а для возбужденія аппетита увѣрялъ меня, что такого «скуснаго» кушавы не промѣнялъ-бы на любой ужинъ валахскихъ лужандъ (ресторанъ низшаго сорта). Для ночлега, Степанъ Пекарскій, съ помощію составленной имъ ассоціаціи производительнаго труда, выкапывалъ мнѣ яму, имѣвшую форму гроба, ради защиты отъ мартовскихъ холодныхъ вѣтровъ, укладывалъ въ нее мой ранецъ вмѣсто подушки, и я, въ этой импровизованной, наподобіе могилы, квартирѣ, спалъ сномъ праведника, безъ всякихъ грезъ, до разсвѣта, если только не беспокоилъ ночью дождь. Если же лилъ дождь, то случалось вылезать изъ своей временной могилы и сидѣть на корточкахъ до восхода солнца и выступленія въ дальнѣйшій путь.

Съ каждымъ днемъ я болѣе и болѣе дивился находчивости и веселому характеру нашихъ солдатъ. При всѣхъ невзгодахъ и лишенияхъ походной и боевой жизни, они были веселы, бодры, и лихая русская пѣсня постоянно оглашала воздухъ. Подъ-часъ солдаты разуждали и о политическихъ дѣлахъ. Въ арміи было уже извѣстно, что политика Австріи, въ отношеніи Россіи, двухсмысленнаго свойства, и что Австрія можетъ поставить намъ въ тылъ свои войска въ Молдо-Валахіи. Степанъ Пекарскій этотъ политическій вопросъ рѣшилъ очень оригинально: — «Я одинъ пойду смѣло противъ десяти австріяковъ! Знаю я ихнюю храбрость: въ унгурской (венгерской) кампаніи кабы не мы, такъ австріяки один не управились бы съ унгромъ!» Онъ закончилъ свой взглядъ на политику Австріи плевкомъ въ ея сторону.

4-го мая, мы, въ боевомъ порядкѣ, преслѣдуя турокъ, заняли высоты, окружающія Силистрію. Люблинскій и другіе поля 13-й пѣхотной дивизіи, были расположены насупротивъ турецкихъ батарей: Арабской, Песчаной и Зѣбной. Мы стояли въ виду ихъ около двухъ часовъ, но правобѣрные по насъ не стрѣляли. Былъ говоръ, что батареи еще не вооружены; однако, при отступленіи нашемъ на новую позицію, съ одной изъ послѣднихъ двухъ батарей былъ данъ выстрѣлъ по Молдавскому полку и убито нѣсколько человекъ пу-

почтымъ ядромъ. Мнѣніе между генералитетомъ было, что эти батареи мы могли-бы взять съ налету, и я раздѣляю такую вѣроятность. Впослѣдствіи мы подходили къ нимъ тихой сапой, и я участвовалъ въ работахъ при заложениі первой и послѣдующихъ траншейныхъ параллелей.

Ночь тиха; природа внемлетъ Богу....

Разсказъ мой касается воспоминаній давно минувшихъ дней. Онъ не можетъ теперь быть оскорбителенъ ни для кого; притомъ многимъ изъ дѣйствовавшихъ лицъ суждено было искупить свои ошибки примѣрною храбростію, самоотверженіемъ, и положить жизньъ свою на полъ чести. Вотъ почему я не могу пройти молчаніемъ обстоятельство, деморализовавшее одинъ изъ нашихъ полковъ. Въ тихую майскую, но темную ночь, нашъ Люблинскій полкъ стоялъ на аванпостахъ перпендикулярно флангамъ нашихъ траншей и непріятельской Арабской батареи. Вдругъ послышалась слыльная ружейная пальба; барабанщики пробили тревогу.... потому все смолкло.... Насъ опять окружила мертвая тишина ночи. На другой день мы узнали, что наши солдаты, съ саперными офицерами, пошли изъ траншей впередъ осматривать мѣстность, но возвращались оттуда другимъ путемъ. Остававшіеся въ траншеяхъ солдаты приняли ихъ за сыновъ ислама, открыли по нимъ огонь....

Когда мы стояли на аванпостахъ, турки привѣтствовали насъ съ вечера дюжиною гранатъ; мы отвѣчали имъ молчаніемъ, такъ что бритоголовые не могли узнать, гдѣ мы расположились для ночнаго бдѣнія, чтобы пощекотать штыками имъ ребра, если бы имъ вздумалось напасть на наши батареи. По временамъ турки даже поднимали въ своихъ траншеяхъ волчій вой, съ акомпаниментомъ собакъ. Такія выходы насъ смѣшили, напоминая игру въ журки: турки добивались, не отлягнемся-ли на ихъ вой; однако мы все молчали, а чтобы успокоить правовѣрныхъ нервы, наши артиллеристы посылали имъ по нѣскольку гранатъ—и правовѣрные успокоивались.

На горизонтѣ востока появляется прекрасная яркая звѣзда.... Въ турецкомъ лагерѣ пробилъ утреннюю зарю.... Звѣзда, предвозвѣстница утра, поднимается медленно, величаво, рассыная вокругъ себя алмазный, преломляющійся цвѣтъ то вспыхивающаго, то потухающаго огня.... Вотъ она отдѣляется отъ горизонта въ мировое пространство.... Вотъ пропѣлъ и жаворонокъ, замолокъ на полчаса и опять началъ свою пѣсню, а окривна восточнаго горизонта уже загорается пурпуровымъ румянцемъ.... Въ лагерѣ нашемъ пробита зоря, и мы,

при пѣвнн мелодическаго хора пернатыхъ, прнвѣтствовавшихъ восходъ солнца, отступаемъ въ него.

Мы подошли къ Арабской, Песчаной и Знбной батареямъ на такое разстоянн, что изъ непрнятельскихъ траншей до насъ разговоръ, адресованный къ намъ на русскомъ языкѣ. — «Теперь Люблинскнй полкъ стоитъ въ траншеяхъ; можно быть спокойными» — говорилъ невидимый голосъ — и былъ правъ. Люблинцы вели себя очень прилично въ траншеяхъ, нопусту не тратили пороку и свннцу въ ночной темнотѣ, и не производили ничего безтолковаго, подобно другимъ полкамъ.

Назначенъ былъ день штурмовать эти батареи Люблинскому и другимъ полкамъ. Наканунѣ штурма, генералъ Лндерсъ нанутствовалъ насъ прекраснымъ наставленнмъ, какъ надобно штурмовать батареи. Съ разсвѣтомъ мы должны были, по данному сигналу, броситься, не стрѣляя, на непрнятельскня траншеи и батареи, тамъ сдѣлать выстрѣлы, а остальное все повончить штыкомъ. Объ отступленн намъ внушено было даже не думать; но если бы и данъ былъ сигналъ горннстомъ отступать или-же барабаннникомъ пробить отбой, то не исполнять ничего по этимъ сигналамъ, а слушать только словесное приказанн. Штурмующня войска должны были быть безъ ранцевъ.... Все это наставленн, и въ особенности приказанн быть безъ ранцевъ, всегда въ бою стѣсняющихъ солдатъ, произвело благопрннтное впечатлѣнн и увѣренность, что штурмъ будетъ удаченъ.

Еще до штурма, Арабская батарея была, по счастливой случайности, занята нашими войсками. Обстоятельства сложились такъ: на правобѣрныхъ нашло глупое вдохновенн поднять вой, будто стая голодныхъ шакаловъ, съ аномпаннментомъ ружейныхъ выстрѣловъ; изъ этого генералъ Сельванъ вывелъ заключенн, что они напали на нашъ правый флангъ, составилъ консультацн, на которой было рѣшено взять Арабскую батарею штурмомъ. Отъ слова перешли къ дѣлу, и батарею наши войска заняли благополучно; но, къ сожалѣнн, тамъ произошло роковое недоразумѣнн: кто-то съигралъ на горнѣ сигналъ отступать, всѣ горннсты повторили его, и занятую батарею наши войска оставили, потерявъ при отступленн много людей. Самъ генералъ Сельванъ былъ убитъ. Но такъ какъ трудно было найти виновнаго, подавшаго сигналъ, то всю вину свадли на турку, якобы подавшаго его въ своихъ войскахъ.... Быть можетъ да, но быть можетъ и нѣтъ.

Мы приготовились къ штурму такъ, какъ готовятъ жертвенца въ вѣчность: надѣли на себя чистое бѣлье, и ни у кого не было желанн

съ вечера уснуть естественнымъ сномъ, въ томъ предположеніи, что, можетъ быть, на штурмъ придется уснуть непробуднымъ сномъ. Вечеръ и часть ночи я просидѣлъ внѣ палатки, посматривая въ родную сторону. Мысль умереть за отечество меня не страшила; но, съ другой стороны, самъ собою являлся вопросъ: можетъ быть меня убьютъ, а я еще въ расцвѣтѣ своей жизни, или, какъ малоросы говорятъ, «уже человекъ пидъ вусомъ», а умереть въ такіа дѣта, когда едва усы начинаютъ пробиваться, никто изъ смертныхъ не испытываетъ удовольствія.... Пока я предавался размышленіямъ о жизни и смерти, о жизни дѣйствительной и жизни загробной, раздался голосъ: «въ ружье!» Надѣвъ на себя амуницію, поставивъ патронную суму на правый бокъ, чтобы удобнѣе было вынимать патроны, подпоясавъ свои чресла ремнемъ, укрѣпивъ штыкъ, я сдѣлавъ въ заключеніе нѣсколько акробатическихъ прыжковъ, чтобы увѣриться, могу ли свободно дѣйствовать, когда полѣзу на батарею.... Перекрестившись, мы вошли къ нашимъ траншеямъ; но во второй ихъ параллели насъ остановили, и, къ удивленію нашему, обратно повели въ лагерь. На другой день мы узнали, что, въ силу измѣнившихся обстоятельствъ, мы должны снять осаду Силистріи и возвратиться въ Россію... для оборонительной войны противу опекуновъ надъ несовершеннолѣтнею Турціей: французовъ, англичанъ и приквостниковъ ихъ сардинцевъ.

Въ этой кампаніи, я участвовалъ во многихъ сраженіяхъ. Турецкія войска подъ Силистріей всегда ступевывались передъ нашими войсками: мы имъ отплачивали съ крупными процентами за всѣ наши неудачи въ вняжествахъ. Нѣкоторое время я находился за Силистріей въ отрядѣ генерала Хрулева, этого идола русскаго солдата, налетавшаго на турокъ всегда неожиданно, какъ стремительный ураганъ. Въ одномъ сраженіи наша кавалерія отняла у правобѣрныхъ красивое голубое знамя, съ вышитыми на немъ серебряными звѣздами. Хрулевъ всегда лихо бросался на непріятеля съ кавалеріей, а мы, пѣхотинцы, какъ положительная сила, всегда служили ему точкой опоры своими штыками. Люблинцамъ пришлось однажды бѣгомъ спѣшить изъ лагера на выручку Хрулева вотъ по какому случаю: въ полдновный жаръ, башни-бузуки изволили отдыхать въ глубокой балкѣ по-домашнему, безъ всякихъ предосторожностей; лошадей своихъ они пустили пощипать травки, а сами, на зеленой муравкѣ, уснули. Генераль Хрулевъ явился разбудить ихъ; но изъ цитадели его замѣтили, открыли по немъ и по башни-бузукамъ пушечный огонь. Разбудивъ бузуковъ, съ опушки горы, сначала ру-

жейнымъ огнемъ, а потомъ пиками и саблями, Хрулевъ сталъ отступать. Немногіе очнувшіеся отъ сна подняли такой жалобный вой, что изъ Силистріи стали выдвигаться турецкія колонны для спасенія ихъ, но появленіе наше пѣшей рьсюю остановило предпринимчивость правовѣрныхъ. При снятіи осады Силистріи, я шелъ въ цѣпи, прикрывая отступление послѣднихъ нашихъ войскъ. Турки преслѣдовали насъ на довольно солидномъ разстояніи, и когда около переправы на островъ мы остановились ночевать, генералъ Хрулевъ, для памяти о русскихъ, въ послѣдній разъ потрепалъ правовѣрныхъ въ одной болгарской деревнѣ.

Такъ какъ болгары переуправлялись, со всѣмъ своимъ скотомъ, въ новозбранное ими отечество, въ Россію, то мы, люблинцы, остались на турецкой сторонѣ на полторы сутокъ и удалились только на разсвѣтѣ второй ночи. Въ то время, когда начали разводять мостъ, кавалеристы турецкіе, заѣхавъ въ покинутую нами батарею, принялись пускать гранаты въ наши колонны, расположенныя на противоположномъ берегу. Всѣ гранаты перелетали, и лишь одна оторвала голову несчастному болгарину, стоявшему позади нашихъ колонъ со старухой-матерью и сестрой... Наша артилерія заставляла замолчать и отступить турецкую, а заѣхавшіе въ батарею потопки янычаровъ умчались во весь карьеръ; однако нѣсколько лошадей выбѣжали безъ всадниковъ.

Если бы турки заняли на берегу предмостныя наши укрѣпленія, то штуцернымъ огнемъ сильно повредили бы нашимъ войскамъ разводять мостъ, равно и тѣмъ, которыя стояли на противоположномъ берегу, а артилерія ихъ могла бы потопить наши канонерскія лодки.

Въ этой кампаніи я былъ окрещенъ боевымъ огнемъ и достаточно облуренъ порохомъ для севастопольской битвы, чѣмъ и закончился для меня 1854 годъ.

II.

Съ береговъ тихаго Дуная и быстрого Прута я перенесся въ Тавриду, богатую историческими воспоминаніями.

20-го іюня 1855 года, освѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, я, съ Люблинскимъ полкомъ, переправлялся съ сѣверной стороны Севастополя на южную. Полкъ нашъ занялъ позицію на улицѣ, а я помѣстился въ пустой церкви, вмѣстѣ съ представителями сумеречной органической жизни — нетопырями; но потомъ перешелъ на болѣе комфортабельную квартиру, въ театръ, гдѣ и получилъ приглашеніе пожаловать на шестой бастионъ. Тамъ давалась опера, какъ и на всѣхъ

бастіонахъ, «Жизнь за Царя и за Отечество». Роль нашему полку назначена была пассивная; но, при появленіи непріятеля на сценѣ, мы должны были встрѣтить его ружейнымъ аплодисментомъ, и дать ему приличное случаю внушеніе штыками, чтобы не ходилъ къ намъ непрошенымъ гостемъ.... Непріятель, впрочемъ, не являлся на сцену, а ограничился сильной канонадой съ рейда: цѣлую ночь черезъ наши головы летали бомбы, какъ огненные метеоры. Передъ восходомъ солнца, когда ночная тьма не совсѣмъ еще разсвѣлась и земля была окутана тонкою пеленою носившагося пороховаго дыма, я, со своимъ сосѣдомъ по мѣсту жительства, прапорщикомъ Аполинаріемъ Юркевичемъ, взомель на вышку къ сигнальсту-матросу. Добрый морякъ сталъ намъ указывать на расположеніе непріятельскихъ батарей и траншей, какъ вдругъ на насъ понесся огненный шаръ, описывая въ воздухѣ дугу, съ замогильнымъ напѣвомъ, свистомъ и шипѣніемъ.... Чѣмъ ближе бомба, въ силу физическаго закона общаго тяготѣнія, склонялась къ землѣ, тѣмъ учащеннѣе напѣвала она свою зловѣщую пѣсню; наконецъ, упавъ на землю, зашипѣла и съ трескомъ лопнула.... Вниманіе наше было поглощено ею до того, что я и Юркевичъ не подумали даже пригнуться за стѣнку; къ счастью сигнальстъ крикнулъ: «берегись!», дернулъ насъ за руку, и едва мы успѣли пригнуться, какъ огромный кусокъ разорванной бомбы, съ шумомъ полета крупной горной птицы, пронесся надъ нашими головами въ косвенномъ направленіи. Осколокъ упалъ въ шагахъ трехъ позади насъ.... За полминуты на томъ мѣстѣ стояла группа солдатъ. Аполинарій Юркевичъ, вздохнувъ, сказалъ мнѣ: «дурной признакъ! мы первый еще разъ на бастіонѣ, и намъ чуть головы не оторвало». Я отвѣтилъ ему отрицательно:—«Все будущее покрыто мракомъ невѣстности! были же мы подъ Силистріей и воротились невредимыми. Авось Аллахъ смилуется надъ нами и здѣсь».

Въ очень короткое время привыкъ я къ севастопольской жизни: убитые, раненые, пушечные и ружейные выстрѣлы не производили на меня особеннаго впечатлѣнія. Мы были день и ночь въ огнѣ; непріятель избралъ нашъ Севастополь ареной для кроваваго турнира: то пуля прожужжитъ надъ ухомъ какъ шмель; то ядро просвиститъ надъ головой; то граната прорикошетируетъ съ горящимъ фитилемъ въ трубѣ, будто съ сигарой во рту, выпуская дымъ и искры; то ракета пролетитъ огненной змѣей, оставляя по себѣ разсыпанныя искры какъ изъ горна. Все это, виѣтъ взятое, производило дьявольскую дисгармонію.

Однако тоскливое чувство страха проявлялось во мнѣ, напримѣръ, когда бомбы крупнаго калибра, шести и десятипудовыя, падали около меня съ своимъ грохотомъ и напѣвомъ, напоминавшимъ, что въ семь мѣръ все прахъ и тѣнь, нѣтъ ничего прочнаго, что каждую секунду можно быть уничтоженнымъ какъ муха.

На третьемъ бастионѣ въ одну ночь нѣсколько разъ починили однѣ и тѣ же орудійныя амбразуры, и я сталъ вслушиваться въ руготню солдатъ: — «Чтобы васъ, нечистыхъ красныхъ, разорвало! и починить не дадутъ!... За такую работу, примѣрно будучи сказать по вольному найму, я бы и пяти-сотъ рублей не взялъ за одну ночь». И вслѣдъ затѣмъ наши артиллеристы-моряки посылали на англійскія батареи по нѣскольку бомбъ. Посыла эта дѣйствовала на англичанъ какъ успокоительное лекарство, а на французовъ какъ раздражающее. Каждый день приносилъ повня жертвы смерти.

Люблинскій полкъ, послѣ переходовъ съ одного бастиона на другой, былъ поставленъ, какъ бы на постоянныя квартиры, въ первую оборонительную линію между Малаховымъ Курганомъ и вторымъ бастиономъ. Это была одна изъ самыхъ невыгодныхъ позцій во всемъ Севастополѣ. Нашими визави были: французскій (Камчатскій) редутъ, ниже его 10-орудійная батарея противъ Малахова Кургана, нѣсколько паралелей траншей и мортирныя батареи, а между нами и нашими визави мы устроили, въ родѣ демаркаціонной линіи, волчьи ямы. Кровавые переговоры съ французами шла безостановочно день и ночь, и каждый восходъ солнца освѣщаль землю, орошенную человѣчесію кровью. Мы не уступали нашимъ врагамъ, достойно отвѣчали имъ на вызовы. Ночью мы стояли на банкетѣ, починяли или строили орудійныя амбразуры, насыпали траверсы, возводили новыя батареи, копали траншеи, исправляли все то, что ночью и днемъ разрушалось непріятельскими выстрѣлами, дѣлали вылазки и отражали нападѣнія непріятеля. Многимъ и многимъ жертвамъ дня не приводилось болѣе увидѣть закатъ солнца, и многіе послѣ ночи не видѣли восхода его. Около рогатки на исходящемъ углѣ, была мортирная батарея, съ которой храбрый прапорщикъ конной артилеріи Шаховъ мстилъ за насъ непріятелю. Я часто обращался къ Шахову съ просьбой о мщеніи, и онъ былъ такъ любезенъ, что никогда мнѣ не отказывалъ. На его батареѣ была 6-пудовая мортира чрезвычайно дурнаго характера: при выстрѣлѣ бомбы разрывались на мѣстѣ, едва успѣвая вылетѣть изъ дула, и много нашихъ солдатъ убивали своими осколками. Мортира эта вселяла въ солдатъ такую панику, что они сходили съ банкета при вы-

стрѣлъ изъ нея, вполне увѣренные, что бомбу разорветъ на мѣстѣ. Я не могу безъ ужаса вспомнить артиллериста, приглядывавшаго фитиль къ мортирѣ: послѣ каждаго выстрѣла, у него выступала кровь на лицѣ крупными каплями отъ двойнаго гула: отъ выстрѣла и отъ разрыва бомбы; но онъ честно, стоекски исполнялъ свою обязанность, хотя былъ блѣденъ какъ мертвецъ. Положеніе его и наше было похоже на положеніе живаго человѣка стоящаго одной ногой въ гробу, а другой еще на землѣ, и чающаго движенія воды вмѣсто смерти. Отъ разрыва бомбъ мы положительно оглохли, и хотя при выстрѣлѣ затыкали герметически уши пальцами, но сотрасеніе чувствовалось въ головѣ. Одинъ артиллерійскій генералъ былъ на батарее, разсмотрѣлъ осколки разрываемыхъ бомбъ, высказалъ мнѣніе, что, вѣроятно, по причинѣ химическаго состава чугуна, ихъ при выстрѣлѣ разрываетъ, и велѣлъ мортиру переимѣнить.

Вечерѣло.... Дневной зной смѣнился вечерней прохладой; послѣдній лучъ заходящаго солнца ярко озарялъ безконечное пространство свѣтло-голубаго неба. Маіоръ Яновскій и я сидѣли на подбитомъ орудіи; дуло его было раздроблено вражьими ядрами; всякъ изъ насъ погруженъ былъ въ свои думы.... Манера у малоросса-маіора была такова, что, при мысленномъ обсужденіи какого-нибудь вопроса, онъ обхватывалъ свой носъ указательнымъ пальцемъ и издавалъ звуки: ги, ги, гу! Мнѣ слышались эти знакомые звуки и голосъ маіора— «А зроби мени, братяку, зегару». —Зробивъ, закуривъ и давъ ему «зегарку», я поглядѣлъ на него вопросительно. Маіоръ переимѣнилъ одинъ указательный палецъ другимъ, повернулъ въ полъ-оборота голову ко мнѣ, выпустилъ изъ рта нѣсколько залповъ дыму, и сказалъ: «А чуешь що вони кажуть?»

— Чую! хотя вже и глухимъ зробився.

— Та и я, братяку, вже глухий; но що за вира съ нею така зробилася, що вона разрыва на мисти и стилки своихъ людей по-была? Але мени здаєня що вони оце мабуть правду кажуть.

Маіоръ Яновскій былъ, какъ человѣкъ, очень добръ и гуманенъ, а какъ воинъ храбръ и великодушенъ. Изъ расположенія ко мнѣ, онъ одинъ разъ назвалъ меня «шуромъ», крысою, за то, что, проходя по Малахову Кургану, я, при паденіи бомбъ, скоро перебѣгалъ отъ траверза къ траверсу, и этимъ маневромъ указывалъ солдатамъ, гдѣ прятаться отъ осколковъ при разрывѣ бомбъ. Было даже распоряженіе свыше, чтобы солдаты прятались отъ непріятельскихъ выстрѣловъ за прикрытія и не жертвовали бы напрасно своею жизнію;

но встрѣчались и натуры апатично смотрѣвшія въ глаза смерти, хотя чувство самосохраненія было развито въ нихъ.

Мы передали прапорщику Шахову подслушанный нами разговоръ артиллеристовъ. Какой-то морякъ, по выговору судя изъ пеликовъ, высказалъ извѣстный ему случай, что бомбы разрывались гдѣ-то при выстрѣлѣ съ «марселя» не отъ дурнаго качества металла бомбъ и не отъ «марселя», а отъ того, что фитильныя трубки въ бомбахъ были слабо забиты, что, при воспламененіи пороха, ихъ срываетъ на мѣстѣ, вслѣдствіе чего бомбы на мѣстѣ и разрываются.

Прапорщикъ Шаховъ сейчасъ же провѣрилъ фактъ: велѣлъ забить крѣпко фитильныя трубки, и каждая выпущенная изъ мортиры бомба благополучно исполняла свою мисію по назначенію, такъ что на Камчатской батарее отъ ея разрыва поднимался только дымъ столбомъ, вмѣстѣ съ землею. Вслѣдствіи на этой батарее взорвало пороховой погребъ отъ бомбы, пущенной съ батареи сѣверной стороны. Полетомъ бомбы мы любовались каждый вечеръ, и называли ея «голубкой» за ея голубиную воркотною, и она-то, голубка, и взорвала пороховой погребъ, бревна котораго перелетали неприятельскія траншеи. Взрывъ былъ такъ ужасенъ, что навелъ на французовъ панику.

На бастіонахъ бывали и смѣшные и грустные эпизоды. Молодой человекъ Никсичъ, не помню юнкеръ или офицеръ, довольно со мною знакомый (севастопольцы на бастіонахъ очень скоро знакомились, безъ всякихъ представленій одинъ другому), угощалъ меня, вечеромъ, водкой около рогатки, идя на ночь въ цѣпь, въ волчьи яны, чтобы оттуда сообщать намъ на батарею политическія новости, т. е. что французы замышляютъ предпринять противъ насъ. На другой день, исполняя долгъ гостепрѣимства, я тамъ же, около рогатки, угостилъ Никсича святацкой горилки, когда онъ, передъ восходомъ дневнаго свѣтила, возвращался съ цѣпью въ городъ. Этотъ-то молодой человекъ оказывалъ съ банкета вѣжливость французамъ, снималъ шапку и раскланивался съ ними; на его привѣтъ они всегда ему отвѣчали ружейными выстрѣлами. Разъ онъ не успѣлъ пригнуться во-время за стѣнку банкета, и пуля сразила его въ голову.

На третьемъ бастіонѣ, ночью, я, съ штабсъ-капитаномъ Иваномъ Федоровичемъ Пуццло, стоялъ около траверза и тура, наполненнаго землею. Бомба крупнаго калибра съ адскимъ свистомъ упала около насъ. Иванъ Федоровичъ, согнувшись, спряталъ свою маленькую фигурку за туръ. У меня же моментально выработалось убѣжденіе, что я не успѣю перебѣжать за другую сторону траверза до разрыва

бомбы, а она, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, шипитъ какъ змѣя, то заклохочетъ какъ насѣдка, то застонетъ, то ахнетъ, то пѣсеньку пропоесть: петь, петь, тюги, тюги... на разные мотивы.—«Дайте, Иванъ Федоровичъ, и мнѣ мѣсто!» Но онъ заупряжился и не пускалъ меня за туръ. Я сталъ испытывать непріятныя ощущенія, поглядывая на икры, выпускаемыя бомбой, и наконецъ чувство самосохраненія вяло свое: безъ дурнаго умысла я персонально съѣлъ на голову Ивана Федоровича, и такъ его мизерную фигуру прижалъ къ землѣ, что онъ, освободившись отъ преса, отбѣжалъ въ сторону и прилегъ, а я занялъ его позицію, наблюдая за бомбой. Вотъ бомба покачнулася, слегка приподнялася, и съ адскимъ трескомъ лопнула, какъ будто радуясь несчастіямъ, которыя готова была произвести. Осколкомъ своимъ бомба опрокинула туръ на меня.... Иванъ Федоровичъ думалъ, что я убитъ.—«Такъ тебѣ и надо!... Кто подъ кого яму копаеъ, тотъ самъ въ нее и попадаетъ!» проворчалъ онъ. На это надгробное слово я отвѣтилъ ему хохотомъ: «Успокойте, сэръ, ваши нервы: я живъ и здоровъ, чего и вамъ желаю отъ всей души!...»

На десятирудійной батарее, около втораго бастіона, въ наслѣдство нашему полку отъ другихъ полковъ досталось нѣсколько навѣсовъ, выстроенныхъ солдатами на свои средства для защиты отъ солнечныхъ лучей. Это была какая-то пародія на сказочныя волшебныя избушки на курьихъ ножкахъ. Мой блиндажъ съ двухъ сторонъ упирался въ оборонительную стѣнку, сверху прикрытъ былъ тоненькими дощечками, а съ остальныхъ завѣшанъ рогожами. Это была моя дневная резиденція, въ которой я, по праву даже хозяина, не имѣлъ права никогда въ ней раздѣваться: такая роскошь на бастіонахъ не была введена въ моду; ночью же я не имѣлъ права быть въ ней, а стоялъ на банкетѣ. За то днемъ, въ своемъ шалашѣ, я могъ прохлаждаться, конечно не раздѣваясь до вечера, если только французы не беспокоили насъ. Днемъ на банкетѣ стояла цѣль штуцерныхъ, а линейныя роты, тутъ же около стѣнки, стояли въ резервахъ; затѣмъ на всю ночь линейныя роты становились опять на банкетъ, а штуцерные уходили въ городъ отдыхать. Обстановка моего отеля была чисто во вкусѣ спартанскомъ: вмѣсто кровати съ постелью, я лежалъ на голыхъ дверяхъ, разставивъ ноги одну отъ другой какъ можно подалѣе.... Въ данномъ случаѣ я руководился стратагемой, что если мои ноги будутъ стоять параллельно вмѣстѣ одна съ другой, то, при паденіи съ небесной выси какого-нибудь инструмента, въ видѣ бомбы, гранаты, осколка или ядра, мнѣ ихъ обѣ оторветъ или же переломить; напротивъ, при большемъ ихъ расширеніи, инструмента, па-

дая въ интервалъ ногъ, не причинить имъ паденіемъ своимъ особеннаго вреда, или же ограничится ампутаціей одной ноги.... Туловище мое въ лежачемъ, а иногда и въ стоячемъ положеніи, представляло букву Л.... Такую манеру разставлять ноги я усвоилъ себѣ послѣ того, какъ осколокъ бомбы благополучно пролетѣлъ однажды между моими ногами. Въмѣсто подушки у меня лежалъ камень подъ головой.... Прапорщики вообще народъ былъ не особенно требовательный и невзысканный комфортомъ, да и багажъ мой остался при ротномъ цейхаузѣ на сѣверной сторонѣ Севастополя. Мебель въ моей гостинной была тоже спартанская: она состояла изъ большихъ бомбъ непріятельскихъ непопнувшихъ, да изъ камней, на которыхъ лежала доска для удобнаго сидѣнья. Пришли ко мнѣ въ гости офицеры: поручикъ Иванъ Ивановичъ Воронецъ, прапорщики Аполлиарій Федоровичъ Юркевичъ и Галузинъ. Кое-какъ разжѣстились они, а общій нашъ любимецъ, песъ Барбосъ, улегся въ дверяхъ; онъ родился на бастионѣ, былъ раненъ и наконецъ убитъ осколкомъ.

— Какъ поживаете?

— По волѣ всемилостиваго Аллаха хорошо.

— Какая перестрѣлка ночью тамъ была?

— Французы закладывали новую батарею, и для того ихъ цѣпъ заняла наши волчьи ямы, а мы ихъ оттуда выкуривали штыками.

Во время этого разговора, каменная стѣнка моего отеля обрушилась на насъ: овому достался ударъ въ спину и въ шею, овому въ рамена и въ голову, овому въ грудь и въ чресла, а овому по голенамъ и разнымъ органамъ.... Досталось даже и Барбосу. Освободившись отъ сей напасти земной, мы выбѣгали изъ отеля по одному, а добрый майоръ Яновскій считалъ насъ:—«Разъ, два, три штыры!... Ну, слава Богу, все! а я, какъ побачувъ что бомба упала на вашу хату, то и сказавъ: вѣчная же память имъ!» На насъ смотрѣли всѣ съ удивленіемъ. Да, удивительная счастливая случайность! Бомбу разорвало въ тотъ моментъ, когда, опускаясь на мой блиндажъ, она задѣла его каменную стѣнку.

А что было бы съ нами, если бы ее разорвало одной полсекундой позже?

Вѣчная память вамъ, мои дорогіе товарищи! Я васъ пережилъ одинъ; всѣ вы внослѣдствіи были убиты на бастионахъ, геройски защищая ихъ.

Спусти нѣсколько минутъ, граната упала въ маленький блиндажикъ, вырытый въ землѣ. Оттуда, съ быстротой молніи, выползъ солдатъ и, отбѣжавъ въ сторону, сталъ тушить горѣвшіе на немъ

панталоны. Его, свавшаго въ блиндажнѣ, разбудила упавшая туда граната, которую онъ благополучно переполвъ, но фитилемъ граната зажгла солдатскіе панталоны.

Человѣкъ испытываетъ пренепріятныя ощущенія, когда его, послѣ ночнаго бдѣнія, да еще подъ выстрѣлами, разбудиваютъ неожиданно. Въ процесѣ сна душа отрѣшается отъ бреннаго тѣла и витаетъ въ безпредѣльномъ пространствѣ. Спящаго тѣшатъ сладостныя грезы: онъ видитъ свой домъ, родныхъ, друзей, все то, что ему мило, что дорого его сердцу, и вся эта очаровательная иллюзія разрушается въ одинъ моментъ громовымъ голосомъ сигналиста: «берегись! бомба!» и послѣ короткой паузы: «прямо!» или же «вправо! влѣво! переметить!» не долетитъ! При словѣ «прямо», отрываешь заспанные глаза, измѣряешь высоту полета бомбы, и вычисляешь математически, на какомъ разстояніи она отъ тебя упадетъ, и причинитъ ли тебѣ какое-нибудь огорченіе... Но при словахъ: «перелетитъ! не долетитъ! вправо! влѣво!» и глава даже не отрываешь, а все предоставляешь волѣ Провидѣнія. Говоря по совѣсти, сигналисты были для насъ добрымъ гениемъ: они насъ предупреждали отъ роковыхъ случайностей попасть подъ непріятельскіе снаряды.

Въ строю нашего полка осталось очень мало людей, въ силу невозможности намъ однимъ, русскимъ, держаться противъ орды заморской современныхъ гунновъ, рыцарей сомнительнаго свойства: авантюриста Луи-Наполеона III, пособниковъ его «высокопочтенныхъ» и «благородныхъ» лордовъ Пальмерстона и Росселя, старшаго брата луны и солнца, непогрѣшимаго и неполамя съ грѣхомъ повелителя блистательной Порты, прихвостниковъ сардинцевъ, австріяковъ съ ихъ іезуитскою политикой... Эти-то рыцари безъ понятій о рыцарской чести, какъ вандалы съ волчьимъ инстинктомъ, четыре на одного, громили нашъ Севастополь со всѣхъ сторонъ. Французскія бомбы, допаясь: на Малаховомъ Курганѣ, на второмъ бастионѣ, во второй оборонительной линіи, въ первой оборонительной линіи (между этими двумя укрѣпленіями нашъ полкъ стоялъ на баннотѣ), безпощадно уничтожали насъ своими осколками. Французы такъ близко подвели къ намъ свои траншеи, что наши гранаты, пущенныя въ ихъ траншеи, разрываясь тамъ, возвращались къ намъ въ формѣ осколковъ и увеличивали число жертвъ. Не говорю о ружейномъ, о пушечномъ огнѣ, о тридцати-двухъ-пудовыхъ бочкахъ, выдуманнахъ впоследствии французами для разрушенія валовъ на батареяхъ и истребленія рода человѣческаго—все это оставляло по себѣ кровавые слѣды; но мы непоколебимо отстаивали нашъ Севастополь. Наши офицеры и солда-

ты честно исполняли свою обязанность: съ легкими ранами и контузіями они не ходили даже на перевязочный пунктъ, и очень часто случалось видѣть защитниковъ Севастополя на бастіонахъ съ обвязанными головами, съ рукою на перевязи. Поручикъ нашего полка, Воронежъ, былъ на бастіонѣ съ перевязанной головой (онъ погибъ потомъ при отбитіи штурма), а одинъ конюхъ стоялъ на банкетѣ даже безъ руки. Случалось видѣть защитниковъ и на костыляхъ. Около рогатки первой оборонительной линіи, на батарее прапорщика Шахова, матросъ-артиллеристъ, съ прострѣленнымъ указательнымъ пальцемъ, наводилъ орудія на непріятельскую батарею. Я слѣдилъ за его выстрѣлами.

— Давно-ли ты раненъ, братецъ?.

— Да ужъ, кажись, съ мѣсяцъ будетъ, 6-го іюня при штурмѣ. И въ госпиталѣ не былъ.

Въ поощреніе я далъ ему табакъ и рубль серебромъ. Наши офицеры за мѣткіе выстрѣлы артиллеристовъ всегда награждали ихъ деньгами.

Въ полку нашемъ сталъ обнаруживаться такой недочетъ въ офицерахъ, что я прапорщикомъ командовалъ ротой. Большинство офицеровъ были убиты; раненые и контуженные лежали въ госпиталяхъ, а я, молодой прапорщикъ, не обращая вниманія на контузіи, ждалъ съ нетерпѣніемъ штурма, чтобы вопросъ жизни и смерти рѣшить въ открытомъ бою. Невыносимо было изнывать въ томительной невѣстности будущаго, ежесекундно ожидать смерти, не видѣвъ въ глаза непріятеля. Такое я нигдѣ тогда представленіе о войнѣ.

Постоянный грохотъ орудій съ обѣихъ сторонъ, недавшій особенныхъ результатовъ, навелъ даже на насъ скуку; но отъ контузій и ушибовъ осколками разныхъ пролетавшихъ снарядовъ, камнями и бревнами, я заболѣлъ, и два дня не былъ на батарее. Въ мое отсутствіе случилась катастрофа, произведшая на меня грустное впечатлѣніе. Сосѣдь мой, прапорщикъ Аполлинарій Юркевичъ, перешелъ въ лучшую жизнь.

Этотъ храбрый офицеръ, вмѣстѣ съ поручикомъ Шрейдеромъ, пилъ вечерній чай на банкетѣ. Съ непріятельской стороны грануль злобщій пушечный выстрѣлъ; роковое бомбическое ядро, пущенное съ Банчатской батареи, пробило валъ, пролетѣло между ними, Шрейдера контузило, а Юркевича убило, сбросивъ его со стѣнки банкета. Очевидецъ этой катастрофы говорилъ мнѣ, что смерть была мгновенная, безъ агоніи: покойникъ даже не вздрогнулъ; только кровь хлынула изъ носа и рта. Юркевичъ, пользовавшійся уваже-

ніемъ сослуживцевъ, былъ уже нѣсколько разъ контуженъ, но свято исполнялъ свой долгъ—долгъ честнаго солдата, отстаивающаго достоинство своего народа и, подобно многимъ другимъ храбрымъ офицерамъ, не былъ даже на перевязочномъ пунктѣ.

Миръ праху твоему, храбрый товарищъ! Ты заслужилъ добрую о себѣ память; ты мало жилъ, но съ честью кончилъ свою жизнь; ты былъ еще въ разсвѣтѣ своей жизни; тебѣ было не болѣе двадцати двухъ лѣтъ! Неумолимая рука смерти споснала тебя, какъ молодой едва распустившійся цвѣтокъ.

4-го августа, въ два часа пополудни, мы съ севастопольскихъ нашихъ батарей слышали пушечные выстрѣлы на Черной рѣчкѣ: наши войска атаковали союзную компанію. Выстрѣлы, въ тишинѣ ночной, были протяжны, заунывны, будто звонъ погребальнаго колокола. Мы молили Бога о побѣдѣ, но результатъ боя оказался неутѣшительнымъ.

Наши севастопольскія батареи четвертаго отдѣленія открыли, съ разсвѣтомъ этого дня, бомбардировку по непріятельскимъ батареямъ. Артиллерійскій офицеръ поручилъ солдатамъ наблюдать за полетомъ ядеръ: попадаютъ-ли они по назначенію своему во французскую (Камчатскую) батарею. Я тоже сталъ слѣдить за полетомъ ихъ, и замѣтилъ, что ядро изъ одного бомбическаго орудія пролетѣло, какъ черный воронъ, выше и лѣвѣе батарей. Я принялъ видѣнное за оптический обманъ, ибо «Камчатка» находилась отъ нашихъ укрѣпленій около версты, однако высказалъ артиллеристамъ свое наблюдение, вслѣдствіе чего они понизили уголъ высоты орудія и навели его на первую амбразуру. Загрохоталъ выстрѣлъ, и отъ ядра, попавшаго въ валъ непріятельской батареи, поднялась земля столбомъ. Случай этотъ остался мнѣ памятенъ тѣмъ, до какого состоянія иногда бываетъ напряженъ глазъ при наблюденіи полета ядра издалека.

Нашъ полкъ принесъ крупную лепту войнѣ: въ немъ осталось, спустя самое короткое время, въ строю не болѣе 500 человекъ. Нашъ перевели съ банкета въ Корабельную Слободу, ниже Малахова Вургана. Полкъ раздѣлили на три смѣны, и мы ходили на минныя работы, производившіяся передъ переднимъ фасомъ Малахова, гдѣ французы вели противу насъ контръ-мины. Въ послѣдніе дни передъ штурмомъ, бомбардировка четвертаго отдѣленія Севастополя, перваго, втораго бастіоновъ, съ оборонительными ихъ линіями, и Малахова Вургана, была ужасная; смерть витала вокругъ насъ; день и ночь грохотали орудія неумолимо; воздухъ пропитанъ былъ пороховымъ

дышемъ и гарью. Это были дни агоніи нашего мученика Севастополя. Это былъ адъ въ полномъ смыслѣ слова.

III.

Насталъ роковой день штурма Севастополя, 27-е августа. Я долженъ былъ, съ разсвѣтомъ этого дня, идти на минныя работы для смѣны. Меня томило какое-то зловѣщее предчувствіе: я нигдѣ пріютъ въ полуразвалившемся домикѣ, и во всю ночь не могъ уснуть; сначала меня разбудилъ осколокъ бомбы, ударившійся въ форточку моей квартиры, не имѣвшей воротъ; потомъ я слышалъ, какъ соединнаго дома каменная стѣнка разрушилась отъ ядра; слышалъ также свистъ каждаго пролетаващаго ядра и напѣвъ бомбы. Я находился въ странномъ состояніи: я не спалъ, но и не бодрствовалъ. Наконецъ все смѣшалось въ моемъ представленіи въ неопредѣленный хаосъ, и изъ этого-то состоянія вывелъ меня возгласъ фельдфебеля: «люди готовы на работу!»

Готовъ и я.

Около Малахова Кургана я встрѣтилъ штабсъ-капитана Ивана Федоровича Пуцыло; онъ шелъ съ минныхъ работъ. Хотя, послѣ случая съ нимъ на третьемъ бастионѣ, онъ не оказывалъ мнѣ прежней симпатіи, однако таинственно кивнулъ мнѣ головой, и когда я подошелъ, сказалъ мнѣ:—«Не ходи въ такія-то мины; тамъ слышно, какъ французы подъ землею работаютъ въ своихъ минахъ; они ихъ взорвутъ, и ты погибнешь». Я молча поблагодарилъ его пожатіемъ руки, закурилъ сигару, и пошелъ туда, отсюда мнѣ не суждено было воротиться. Курганъ мы прошли рассыпнымъ строемъ подъ адскими огнемъ, и я искренно пожелалъ, чтобы, въ эту минуту, Луи-Наполеонъ съ Викторіей, а старшій братъ луны и солнца, повелитель правовѣрныхъ, съ сардинцемъ, прошлись подъ-руку по кургану поперекъ, вмѣсто утренней прогулки до чая.

Наши brave саперы, рывшіеся какъ кроты подъ землею день и ночь, зарядили порохою одну мину. Я велѣлъ доставить въ ней часоваго, чтобы онъ никого туда не пускалъ, принялъ въ свѣдѣніе все сказанное мнѣ Иваномъ Федоровичемъ, но, побывавъ нѣсколько разъ поочередно во всѣхъ минахъ, сталъ около нихъ во рву кургана прогуливаться. Бомбы, гранаты и ядра пролетали выше моей головы; нѣсколько бомбъ скатились, впрочемъ, съ вала кургана и по мнѣ въ ровъ; одна забралась даже въ мину и ранила двухъ солдатъ. Мнѣ дали знать, что выносившіе изъ мины землю на траверзы кургана солдаты ранены, вслѣдствіе чего я пошелъ туда распо-

рядиться отиравкою ихъ на перевязочный пунктъ. Мимеходомъ я завернулъ въ башню на курганѣ узнать, не будетъ-ли штурма, какъ вдругъ почувствовалъ сильное сотрясеніе земли отъ послѣдовательныхъ трехъ взрывовъ. Изъ башни я пробѣжалъ въ подземную галерею, проведенную въ ровъ кургана, и глазами моимъ представилась картина разрушенія.... Во рву было много земли къ лѣвому фасу кургана; нѣсколько ружей, прислоненныхъ къ вѣшной стѣнкѣ рва, были засыпаны, но изъ нашихъ минъ ни одна не была взорвана. Ровъ былъ засыпанъ отъ взрыва трехъ французскихъ минъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ я прогуливался, и если бы я не былъ на курганѣ во время взрыва ихъ, то, продолжая прогулку по рву, былъ бы похороненъ живымъ. Черезъ полчаса послѣ взрывовъ, пришла смѣна безъ офицера: онъ былъ раненъ или убитъ на курганѣ. Французскія батареи сдѣлали еще нѣсколько оглушительныхъ орудіейныхъ залповъ, и все смолкло. Я обрадовался мирному настроенію французовъ, рассчитывалъ даже дойти въ городъ со своими солдатами благополучно. Не такъ суждено было свыше. Я велѣлъ солдатамъ пройти курганъ въ-разсыпную и внизу его обождать меня, а самъ, съ носильщиками и съ двумя унтеръ-офицерами, хотѣлъ слѣдовать сзади и подбирать, если будутъ, раненыхъ. Съ этою цѣлю я послѣднимъ приблизился ко входу въ галерею подъ башней. Саперъ ее уже запираетъ, а солдаты кричали: «французы на башнѣ!»... Такая неожиданность меня поразила. Впереди люблинцевъ, къ выходу изъ галереи, стояли солдаты другого полка, если не ошибаюсь князя Горчакова полка; они не выходили изъ галереи на курганъ, и люблинцамъ пробраться было невозможно: вся галерея была наполнена солдатами. Въ эту критическую минуту, рѣшавшую вопросъ о жизни, смерти и чести русскаго оружія, я поставилъ вопросъ на реальную почву: сдаться въ плѣнъ безъ всякаго сопротивленія—это гадко, мерзко, подло, недостойно честнаго солдата; но, съ другой стороны, оказывалось, что люблинцамъ нельзя выйти черезъ толпы солдатъ другого полка, слѣдовательно вся тяжесть обвиненія въ трусости должна пасть не на люблинцевъ. Тутъ я вспомнилъ слова въ присягѣ солдата: «не пощажу живота своего до послѣдней капли крови».... Въ подземной галереѣ было темно; отъ сильной духоты скопившихся въ ней солдатъ стеариновыя свѣчи въ фонаряхъ едва мерцали. Обстановка эта напомнила мнѣ склепъ, съ живыми, замурованными въ немъ людьми.

Мнѣ стало душно.... Грудь моя требовала свѣжаго воздуха.

— «Солдаты! присяга и долгъ службы! пропустите меня!»

Унтеръ-офицеръ, чтобы не отстать отъ меня, схватилъ полы моей шинели, и я сталъ съ большимъ трудомъ пробиваться впередъ. Солдаты одинъ другаго предупреждали: «сторонись! офицеръ идетъ!» При выходѣ изъ галереи, завѣдывавшій саперными работами, капитанъ Клугинъ, и не помню какого полка прапорщикъ Антоновъ, поуждали солдатъ выходить на курганъ; но на солдатъ нашелъ паническій страхъ: они не выходили.

— «Позвольте, капитанъ!» и съ этими словами, я, человекъ сангвиническаго, подвижнаго темперамента, бросился впередъ по руку изъ подземной галереи въ гору, на площадь кургана. Я находился въ возбужденномъ нервномъ состояніи; между тѣмъ, полы шинели моей не были еще свободны отъ рукъ унтеръ-офицера, державшагося за нихъ, и это обстоятельство мѣшало мнѣ бѣжать. На башнѣ, противу выхода изъ галереи, стояли три француза; ружья у нихъ были разряжены; одинъ изъ нихъ бросалъ камнями въ нашихъ солдатъ, желавшихъ выйти изъ галереи, и этихъ заставлялъ ихъ опять прятаться въ ней, а другіе два француза, подло согнувшись, боязливо осматривались кругомъ.

Отъ удара камнемъ въ лѣвое плечо и въ голову я упалъ; однако, собравшись съ силами, бросился впередъ подъ горту, на площадь кургана. Въ эту минуту, съ кургана, навстрѣчу мнѣ, стремительно вбѣжали въ галерею два солдата Модлинскаго полка и втащили въ нее и меня. Я опять рванулся впередъ, и одинъ одиношенецъ, съ обнаженною полусаблею, очутился впереди башни на площади. А солдаты изъ галереи все не выходили: ихъ тамъ было около двухъ сотъ человекъ, если не болѣе — двѣ смѣны Люблинскаго и другаго полка. Осмотрѣвшись мгновенно кругомъ, я нигдѣ вблизи себя не видалъ нашихъ солдатъ; только кое-гдѣ, группами, стояли они впереди на площади кургана за траверсами. Французы съ башни по мнѣ не стрѣляли, а бросали камнями, и я крѣпко пожалѣлъ, что у меня не было револьвера: я ссадилъ бы ихъ съ башни и заставлялъ бы солдатъ выйти изъ галереи. Получивъ еще нѣсколько ударовъ камнями, я поднялъ съ земли какое-то ружье и бросился къ лѣвому фасу кургана; но, на перепутьѣ, изъ-за блиндажа выстроеннаго около башни, выбѣжалъ французъ, и между нами началась борьба.... Штыки наши нѣсколько разъ скрещивались; то онъ, то я отпарировывали удары; я сталъ изнемогать, и, не поворачивая головы, тоскливо посмотрѣлъ въ сторону: на выручку ко мнѣ не было видно никого. Французъ бѣшено опять сталъ атаковать меня. Отпарировавъ еще нѣсколько ударовъ, я почувство-

вѣлъ ожогъ головы; въ ухахъ у меня зазвенѣло, въ глазахъ потемнѣло, и я упалъ на правый бокъ. Такъ какъ мое и француза ружья были разряжены, то у насъ и вышло, по смыслу стиха Дмитріева: «то сей, то оный, на бокъ гнуся»; при заряженныхъ же ружьяхъ, мы скоро рѣшили бы вопросъ, кому изъ насъ умереть... Ударъ штыкомъ въ мою голову пришелся въ околышъ фуражки, пробилъ его и верхнюю часть фуражки насквозь; но околышъ ослабилъ силу удара: штыкъ, пробивъ его своею гранью, слегка разрѣзалъ мнѣ кожу на черепѣ, выше височной кости. (Фуражку эту, со слѣдами крови на козырькѣ, я сохраняю какъ драгоценный памятникъ моего прошлаго). Брючегъ отъ шинели моей, унтеръ-офицеръ, державшійся за полы, оборвалъ, когда я пробирался черезъ подземныя наши еермопилы; отъ этого шинель была растегнута и образовалось пустое пространство между ею и животомъ. Французъ полагалъ, что у меня крупный животъ, и направилъ въ него свой штыкъ; но штыкъ прошелъ мимо, свозъ шинель и панталоны, въ землю; при вторичной же попыткѣ моего противника, я удержалъ штыкъ руками, и слегка ранилъ себя имъ между большимъ и указательнымъ пальцами лѣвой руки. Вся эта борьба разыгрывалась наспротивъ дверей блиндажа, изъ котораго вышелъ, блѣдный какъ мертвецъ, инженеръ-поручикъ Новрѣвъ. Полагаю, что онъ вышелъ защитить меня; но на него изъ-за блиндажа тоже бросился французъ и приставилъ штыкъ къ его груди. Удивляюсь рыцарскому чувству французскихъ солдатъ, не переколовшихъ штыками русскихъ офицеровъ, которые попадались имъ при штурмѣ съ одними полусаблями, годными для ученія, но не для личной защиты. Говоря по совѣсти, наши офицеры играли въ сраженіяхъ роль очистительныхъ жертвъ.

Проходившій мимо французскій офицеръ, съ небольшою партией солдатъ, поручилъ меня двумъ конвойнымъ, которые привели меня къ лѣвому фасу кургана. Мы остановились тамъ около орудія, направленного по рву первой оборонительной линіи, между Малаховымъ Курганомъ и вторымъ бастіономъ. Щитъ изъ канатовъ горѣлъ отъ выстрѣловъ; около орудія лежалъ раненый въ животъ солдатъ, и хриплымъ, умирающимъ голосомъ просилъ меня дать ему воды; на просьбу его я могъ отвѣчать ему только слезами — такъ мнѣ было невыразимо грустно.... Одинъ молодой еще солдатъ, матросъ, самъ, съ веселой улыбкой, безъ конвойнаго, подошелъ съ кургана къ орудію и скоро воротился; я вывелъ заключеніе, что чуть-ли онъ не руководилъ французами, гдѣ имъ занимать мѣста за траверсами. Меня удивило то обстоятельство, что весь лѣвый и передній фасы

кургана были совершенно свободны. Я не видалъ на нихъ ни нашихъ, ни французскихъ солдатъ. Нѣсколько минутъ просидѣлъ я около орудія съ однимъ пьянымъ конвойнымъ, испытывая моральныя и физическія муки; голова моя сильно болѣла; чувство самолюбія, что я въ плѣну, было оскорблено. Конвойный сидѣлъ напротивъ меня, и предлагалъ по-пріятельски выпить изъ жестянки, висѣвшей у него сверхъ амуниціи. Я, поблагодаривъ его за вниманіе, сталъ обдумывать планъ побѣга. Другой мой конвойный куда-то скрылся; ушелъ-ли онъ съ матросомъ, или же осматривалъ мѣстность гдѣ намъ удобнѣе пройти—не знаю.

Изъ-за траверза раздался выстрѣлъ, и мой стражъ былъ пораженъ ружейной картечью въ правый високъ и въ лицо (для штурма наши солдаты нѣсли по нѣсколько пуль разрѣзанныхъ на картечь). Онъ далъ мнѣ понять, что наши солдаты находятся гдѣ-то вблизи; я направился къ площади кургана, но мой другой аргусъ неожиданно явился и остановилъ меня. Въ это время послѣдовалъ новый небольшой наплывъ французовъ; они опрокинули горѣвшій щитъ орудія въ амбразурѣ, черезъ нее и черезъ стѣнку первой оборонительной линіи, примыкавшей къ кургану, взосли на него, а меня конвойный повелъ по банкету передняго фаса кургана, между блиндажами и башней, гдѣ за ними стояли небольшими группами французы. Бѣлое знамя ихъ, съ красными полосами, развѣвалось уже на валу кургана; барабанщики и горнисты играли маршъ. Меня провели около знамени по мостику, переброшенному черезъ ровъ передняго фаса кургана, между нашими минами, въ ближайшія неприятельскія траншеи, около воронокъ взорванныхъ трехъ французскихъ минъ. Тамъ находился уже въ плѣну капитанъ 1-го ранга Барповъ. Я окинулъ глазами пространство между курганомъ, вторымъ бастиономъ и параллельными къ нимъ неприятельскими траншеями, и былъ немало изумленъ, что въ этомъ пространствѣ, отдѣлявшемъ наши укрѣпленія отъ неприятельскихъ, лежало очень немного неприятельскихъ труновъ (а въ предшествовавшихъ штурмахъ трупы французовъ лежали такъ густо, какъ снопы на нивѣ при хорошей жатвѣ). Меня съ капитаномъ Карповымъ привели на десятиорудійную батарею, насупротивъ Малахова Кургана: тамъ находился главнокомандующій французской арміи, маршалъ Пелисье, съ своимъ штабомъ. Голова моя была перевязана шейнымъ, а рука носовымъ платкомъ. Штабные посмотрѣли на меня съ состраданіемъ, и выказали свое вниманіе ко мнѣ тѣмъ, что предложили выпить коньяку.

— Приготовлены-ли русскія войска къ сегодняшнему штурму?

Мы отвѣчали утвердительно.

— Есть-ли мины на Малаховомъ Курганѣ?

— Даже очень много.

— Какъ великъ гарнизонъ города?

На этотъ и на другіе вопросы мы давали отвѣты отрицательные; но выразили мнѣніе, что французы не удержатся въ занятыхъ ими нашихъ укрѣпленіяхъ и что въ городѣ улицы забаррикадированы. Генералъ Пелисье погрозилъ намъ быть разстрѣлянными, если мы не скажемъ ему правды, т. е. въ какомъ состояніи наши батареи и войска. Онъ все время смотрѣлъ въ зрительную трубу на Малаховъ Курганъ. Прибывшія изъ города наши войска выбили штыками французовъ со второй и первой оборонительныхъ линій, занятыхъ ими между Малаховымъ курганомъ и вторымъ бастиономъ, и преслѣдовали ихъ за наши волчьи ямы до ихъ траншей; но должны были, къ несчастію, отступить, и тогда, утвердившіеся на переднемъ и лѣвомъ фасѣ кургана, французы открыли въ тылъ по нашимъ войскамъ ружейный огонь. Въ этомъ провадомъ оснареніи чудовищною дуэлью вопроса, за кѣмъ долженъ остаться курганъ, какъ сердце Севастополя, отъ генерала Пелисье учашенно подавались сигналы для резервовъ; вся линія непріятельскихъ траншей оглашалась сигналами горновъ, а изъ маленькихъ орудій, при двухъ артилеристахъ, съ этой батареи пускали по нашимъ, преслѣдовавшимъ французовъ, войскамъ прицѣльными выстрѣлами гранаты. Это обстоятельство мнѣ разъяснило, отчего французская артилерія шила надъ нашей перевѣсь: близкія къ нашимъ французскія батареи были вооружены небольшими орудіями для скорой стрѣльбы, а наши батареи были вооружены корабельными орудіями большого калибра, вслѣдствіе чего, при скоромъ заряданіи маленькихъ орудій, французы, при медленномъ заряданіи нашихъ огромныхъ орудій, всегда отвѣчали четырьмя выстрѣлами на нашъ одинъ. Малаховъ Курганъ имѣлъ такой величественный, такой внушительный видъ, что у французовъ выработалось убѣжденіе, что они его никогда не возьмутъ. Пелисье сказалъ: «Если курганъ теперь штурмомъ не будетъ взятъ, то я поставлю противъ него триста мортиръ, разгромяю его и привужу сдаться».... Но если бы, при штурмѣ, было обращено вниманіе на то, что всѣ сигналы на горнѣ подаются съ десятиорудійной батареи, и если бы сосредоточили на ней выстрѣлы изъ мортиръ, то, я полагаю, маршалу Пелисье не привелось бы даже видѣть паденія кургана, несмотря на близость десятиорудійной батареи къ нашимъ бастионамъ. Между тѣмъ, на эту батарею не пускали во время

штурма даже гранатъ.... Мнѣ было видно и расположеніе англійскихъ войскъ, сосредоточенныхъ въ свѣжѣ траншеяхъ противу нашего третьяго бастиона; они находились въ выжидательномъ положеніи, поглядывая на французовъ какъ они дерутся, за что я имъ приношу мое искреннее «*thank ye*» (спасибо): они своею нерѣшимостію дали время третьему бастиону приготовиться достойно принять ихъ.

Съ десятирудійной батареей насъ пѣхотныхъ повели по открытой площади къ Камчатской батарее. Пули нашихъ сражавшихся солдатъ шуршали около насъ въ воздухъ по всѣмъ направленіямъ, и конвойные заставляли насъ пробѣгать по площади. Путешествіе это осталось въ моей памяти навсегда: и теперь еще, когда гуляю, иногда безъ всякихъ воспоминаній о прошломъ, пролетающая стая воробьевъ, шуршаньемъ своихъ крыльевъ, напоминаетъ мнѣ мою прогулку подъ пулями.

Одна бѣда родитъ другую.

За Камчатской батареей мы попали подъ выстрѣлы артилеріи: бомбы съ сѣверной нашей батареи преслѣдовали насъ за глубокую Билень-балку; падая около насъ, онѣ дѣлали такое на впередъ, что угоджали въ двѣ резервныя колоны правобѣрныхъ, стаявшія за балкой на горѣ.

Какія же были причины паденія Малахова кургана?

Первая причина: французовъ слишкомъ близко допустили къ Малахову Кургану, ко второму бастиону и къ первой оборонительной линіи. Между этими укрѣпленіями, непріятельскія траншеи находились отъ нашихъ укрѣпленій въ 60 и во 100 шагахъ.

Вторая: штурмъ начатый днемъ, въ двѣнадцатомъ часу утра.

Во все время осады Севастополя, французы дѣлали нападеніе ночью и на разсвѣтъ, всегда неудачно и съ большою потерей, потому что на всѣхъ пунктахъ Севастополя наши войска стояли подъ ружьемъ, съ вечера до восхода солнца ожидая нападенія, а на день нѣкоторые изъ нихъ уходили въ городъ для отдыха. Убѣдившись въ невозможности взять Малаховъ Курганъ ночью, осаждающіе сдѣлали нападеніе днемъ. Всѣ фасы кургана имѣли вокругъ себя ровъ, широкій, глубокій и очень высокій валъ. Взорванныя три французскія мины засыпали ровъ передняго фаса къ лѣвому на столько, что въ него спуститься безъ штурмовыхъ лѣстницъ было невозможно, и потому, оставивъ курганъ въ сторонѣ, французы бросались на первую оборонительную линію между имъ и вторымъ бастиономъ, прорвались тамъ у рогатки, по стѣнкѣ оборонительной линіи, за день или за два дня до штурма разрушенной французской бочкой и заложеной

нашихъ туркахъ, воображалъ на лѣвнѣйшій фасъ кургана, тамъ утвердился и открылъ ружейный огонь по нашимъ войскамъ, преслѣдовавшимъ французскія войска за ночью или къ ближайшей французской траншеѣ. Вслѣдствіе этого обстоятельства, наши войска отступили къ первой, а потомъ и во вторую оборонительную линію. Весь этотъ актъ кровавой драмы разыгрывался въ трихъ стахъ шагахъ отъ меня, на моихъ глазахъ. Обдумывая, между тѣмъ, новый планъ побѣга, я, несмотря на присутствіе Пелисье, вслѣзалъ уже на валъ батареи, чтобы спрыгнуть съ нея и уйти, но французъ очень любезно удержалъ меня за руку, сказавъ: «гардонъ, посье».

Нѣкоторые обстоятельства остались для меня неразъясненными. Съ сѣверной нашей батареи, находившейся въ виду, я нѣсколько даже выдвинулся впередъ Малахова Кургана, видно было, какъ съ самаго утра непріятельскія войска, съ артилеріей, шли изъ лагеря, и сосредоточивались противу нашего четвертаго отдѣленія, первого и второго бастионовъ и Малахова Кургана.

Отъ чего, когда были выброшены преждевременно на этой батарее красный флагъ, предупреждавшій всѣхъ быть въ готовности, не было обращено, кому слѣдуетъ, вниманія на то, что непріятель предпринимаетъ что-то серьезное? Отъ чего не были подведены войска изъ города ко вторымъ оборонительнымъ линіямъ заблаговременно, въѣсто того, чтобы ждать появленія французовъ на Малаховомъ Курганѣ и за вторыми оборонительными линіями, какъ это и случилось: онѣ были уже заняты непріятелемъ при началѣ штурма и выгнаны оттуда прибывшими изъ города нашими войсками?

Отъ чего генераль фонъ-Бусаръ, искуившій смертію свою ошибку, живя въ близидѣхъ на курганѣ, около лѣваго и передняго фаса его, послѣ двуратнаго доклада ему сигнализаторомъ, что на сѣверной батарее выброшенъ красный флагъ и видны въ непріятельскихъ траншеяхъ сверлающіе на солнцѣ жгущи двигавшіеся солдаты, назе Камчатской батареи, и послѣ взорванія трехъ французскихъ минъ, не приказалъ всѣмъ войскамъ, находящимся на курганѣ, стать на бакеетъ? Штурмъ начался черезъ полчаса послѣ взрывовъ, а этого времени предостаточно было, чтобы войска заняли свои мѣста. Они отступили-бы курганъ до прибытія даже подкрѣпленія изъ города.... Достоверно извѣстно, что французы, при началѣ штурма, дѣйствовали очень нерѣшительно, воюя всѣ свои предшествовавшія ночныя неудачныя нападенія. Виднвшій дни, разсѣлавшійся въсходѣ въ воздухъ, красный флагъ напоминалъ имъ, что его выбросили потому, что ихъ замѣтали градущихъ для штурма, и притомъ изъ

сѣверной батареей навѣсными выстрѣлами несмѣли имъ пріятельскія боибы. Дневная—же наша штурцерная цѣпь, одна стоявшая на банкетѣ, не получая даже своевременной поддержки въ резервахъ, не устояла при первомъ натискѣ непріятеля.

Наконецъ, если бы двѣсти человѣкъ, укрывавшіеся въ подземной галереѣ, подъ башнею, были похрабрѣе, то появленіе трехъ французовъ на башнѣ не могло бы ихъ деморализовать: они такъ же, какъ и азъ грѣшный, могли бы выйти на свѣтъ Божій подышать чистымъ воздухомъ, и, мимоходомъ, ссадить стоявшихъ на башнѣ трехъ французовъ. Впередѣ же башни французы не смѣли появляться по причинѣ ружейныхъ выстрѣловъ, черезъ маленькія амбразуры, засѣвшихъ въ ней нашихъ солдатъ, назначеніе которыхъ было стоять на банкетѣ кургана, а не прятаться въ башню отъ непріятеля. Упомянутые двѣсти человѣкъ могли бы двинуться къ лѣвому фасу кургана, уничтожая выстрѣлами и штыками на пути своемъ французовъ, спрятавшихся за башней и блиндажами; они удержали бы дальнѣйшій натискъ штурмующаго; къ нимъ присоединились бы разбросанные группами, на площади за траверсами, другіе солдаты и нѣзъ башни, такъ что, съ прибывшими резервами, непременно прогнали бы французовъ съ кургана. Тогда часть передняго и весь лѣвый фасъ его приняли бы непріятеля ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ въ бокъ, а орудіе, наведенное по рву первой оборонительной линіи, продолжнымъ выстрѣломъ по второму бастиону; вторая же оборонительная линія съ фронта, весь правый фасъ втораго бастиона ружейнымъ огнемъ въ бокъ, а сѣверная батарея навѣсными выстрѣлами по траншеямъ, батареямъ и резервамъ непріятельскимъ. При такихъ условіяхъ, штурмъ былъ бы отбитъ, ибо слабая сторона Малахова Бургана была только тамъ, гдѣ къ лѣвому фасу его примыкала стѣна первой оборонительной линіи. При послѣдующихъ нападеніяхъ, непріятеля приняла бы, вмѣстѣ второй, первая оборонительная линія съ фронта ружейнымъ и артилерійскимъ огнемъ, съ рогаки первой оборонительной линіи продолжнымъ изъ орудія выстрѣломъ по рву ко второму бастиону; вторая оборонительная линія, парходъ съ бухты, обратная на третьемъ бастионѣ и сѣверная батарея навѣсными артилерійскими выстрѣлами; Малаховъ Бурганъ переднимъ и, частію, лѣвымъ фасами, второй бастионъ частію праваго и переднимъ фасами. Кромѣ этихъ средствъ нашей обороны, вредившихъ непріятелю въ его траншеяхъ, батареяхъ, и за ними его резервнымъ колоннамъ, у насъ были: одна заряженная и нѣсколько готовыхъ, но незаряженныхъ минъ и, кажется, не взорванъ былъ еще одинъ фугасъ къ лѣвому фасу кур-

гана. Но не такъ суждено было развратиться кровавой драмѣ послѣ продолжительной и безпримѣрной геройской обороны Севастополя. На нашихъ солдатъ, отъ адской бомбардировки и взрывовъ минъ, не причинившихъ, впрочемъ, намъ матеріальнаго вреда, наша паника. Французы, къ удивленію своему, въ началѣ штурма заняли Малаховъ Курганъ невѣроятно, почти безъ боя, и были такъ навмы, что допустили вѣроятность, якобы русскіе нарочно впустили ихъ на курганъ, чтобы взорвать на воздухъ минами. Но, говоря по совѣсти, мы вовсе не имѣли такой предвзвѣтой мысли, хотя и не чувствовали къ французамъ особенной симпатіи и не желали видѣть появленія ихъ на курганѣ. Проще сказать, мы просили Малаховъ курганъ аристократическимъ спомъ, среди бѣлаго дня!... Если бы французы первую свою атаку повели въ началѣ штурма на передній фасъ его, то мы доставили бы себѣ удовольствіе заставить ихъ проканканировать на воздухъ отъ взрыва мины впереди кургана. На самомъ же курганѣ минъ не было.

Второй бастіонъ, имѣвшій видъ циклопа (мы называли его ульемъ), былъ самый слабый изъ всѣхъ бастіоновъ. Французы залѣзли въ него и разбудили спавшихъ тамъ солдатъ нашихъ, которые, очнувшись отъ сна, штыками выгнали гостей, стали въ семь рядовъ для стрѣльбы, и геройски отстояли бастіонъ. Французы нѣсколько еще разъ атаковали его посѣдовательно, неся впереди себя даже турки для защиты отъ пуля, но ничего не могли сдѣлать: нашъ храбрый циклопъ имѣлъ валъ высокой; взбираться на него было некомфортно даже по штурмовымъ лѣстницамъ, и въ силу этой необходимости французы оставили его въ покое.

Отстоялъ бы себя и Малаховъ Курганъ, если бы, въ началѣ штурма, войска находились на своихъ мѣстахъ, а не за траверсами, разбросанныя по кургану. Взбираться французамъ на валъ кургана было положительно невозможно: онъ былъ очень высокъ и почти вертикальный; ровъ же былъ такъ глубокъ, что спуститься въ него безъ штурмовыхъ лѣстницъ было бы немисливо, и этому воспрепятствовали бы выстрѣлами и штыками солдаты работавшіе въ минахъ. Они могли, своими выстрѣлами, сильно вредить неприятелю и при нападеніи его на первую оборонительную линію, ставъ для этого въ концѣ лѣваго фланга передняго фаса кургана, правѣ орудія, для продольнаго выстрѣла по рву первой оборонительной линіи. Тамъ мѣстность была нѣсколько понижена; можно было на ней поставить нѣсколько человекъ фронтомъ, закрывая ихъ вышнюю рва по шлю, а сведи ихъ помѣстились бы другіе солдаты, перекавая имъ

зараженныя ружья. Непонятна для меня и панна, обувшая солдатъ, находившихся въ минаяхъ и въ подземной галерей подъ башнею. Не рискуя всей своей фигурой, а выставляя только головы и руки для выстрѣловъ изъ миная, они могли бы не позволить французамъ спуститься въ ровъ кургана и перебросить досчатый мостикъ между нашими минаями на валъ кургана. Предвидѣть нѣкоторыя событія, конечно, трудно, и генераль фонъ-Буслау не могъ знать, велико-ли было скопленіе непріятельскихъ войскъ въ траншеяхъ. Спасая солдатъ отъ адской бомбардировки, онъ имѣлъ еще основаніе не ставить ихъ на банкеты, ибо не зналъ будетъ-ли штурмъ. Не постигаю только, отъ чего, послѣ взрывовъ французскихъ миная, онъ не сообразилъ, что онѣ взорваны не для прерыванія времени, а для того, чтобы засыпать ровъ кургана и облегчить къ нему доступъ.

Не чѣмъ могутъ оправдаться, въ виду роковыхъ послѣдствій послѣдняго штурма Севастополя, тѣ, которые, на сѣверной батарей выбросили одинъ красный флагъ, а не два? До послѣдняго штурма былъ иногда выбрасываемъ красный флагъ, но штурма не бывало. Минъ со рва кургана была видна сѣверная батарея съ красными флагами; следовательно, съ нея было видно и необыкновенное сосредоточеніе непріятеля въ его верхахъ. Отъ чего же на батарей не были выставлены два флага? Замѣтивъ ихъ въ городѣ и на батареяхъ, всѣ знали бы, что положительно будетъ штурмъ, и заняли бы заблаговременно свои мѣста для парадной встрѣчи непріятеля.

Въ концѣ концовъ, народце Севастополя было для французовъ дѣломъ счастливой случайности: они не знали Севастополя, не имъ безсознательно проспали Севастополь.... Изъ скромности я не назову ни имени одного начальника, о которомъ нѣ говорили, будто онъ на курганѣ, во время штурма, былъ въ неподномъ платьѣ, что не помѣшало ему кричать солдатамъ: «ребята! на гласись!» И, къ удивленію его, наши ребята стали, какъ раки, мяться назадъ, и онъ былъ оставленъ тѣми, которые должны были защищать его до послѣдней капли крови.... Повторяю: ничего этого не было бы, если бы франкомъ попали на насъ бодровушники, а не сонныхъ.... Когда я вышу эти стрелы, то вижу въ своей комнатѣ, какъ расположены мои воины, и тонкую нить наутанъ на котелѣ, раскатывающуюся во всѣ стороны: такъ и съ сѣверной батарей было видно расположеніе французскихъ войскъ противъ четвертаго отдѣленія.

Всякій имѣетъ свой взглядъ на вещи. Одинъ изъ нашихъ интеллеровъ, выставляя разные причины паденія кургана, сдѣлалъ выводъ, что въ немъ была замкнутая горжа и черевъ нея нельзя было

вести на курганъ войска для прогнанія французскъ, занявшихъ всѣ высоты кургана. Хотя я не изучалъ науки Вобана, однако позволяю себѣ высказать и свое мнѣніе: въ наденіи кургана гѣржа невиновата; она свою замкнутостію оберегала курганъ отъ нападенія на него съ тыла. Вотъ и факты: прорвавшіеся черезъ первую и вторую оборонительныя линіи въ городъ французы, при появленіи нашихъ войскъ, отступали пройденною ими дорогою, но не черезъ горшу на курганъ; второй бастионъ имѣлъ горшу замкнутую, но это не поужало ему добить французскъ и стрѣлять по нимъ изъ ружей на Малаховъ Курганъ. Если бы войска наши и были введены на курганъ черезъ горшу, то имъ пришлось бы брать штурмомъ всѣ траверсы, занятыя французами. А башня, сдѣлавшаяся почему-то знаменитою въ глазахъ европейской публики, есть не что иное какъ мѣсто, воспроизведенный нынѣшнѣ воображеніемъ: она играла роль въ оборонѣ кургана такую же, какъ заноза въ глазу; она заняла собою мѣсто на переднемъ фасѣ кургана, тамъ, гдѣ можно было бы поставить нѣсколько орудій для стрѣльбы по неприятельскимъ десятирудійной и Камчатской батареямъ. Неприятель хотѣлъ-то тамъ близко и подвелъ свои траншеи къ кургану, что мы не имѣли чѣмъ препятствовать ему съ кургана.

IV.

За Клязень-башкой, на довольно солидномъ разстояніи отъ выстрѣловъ, былъ французскій перевалочный пунктъ. Раненыхъ перевозила туда на вьючныхъ мулахъ, въ небольшихъ провѣтахъ, прикрѣпленныхъ къ спицѣ ихъ, а у насъ одномоу раненаго отнесли четыре солдата на носилкахъ. Отъ этого у насъ уменьшалось число солдатъ въ стрѣю непроизводительно, ибо носильщики усвоили себѣ жевару не торопиться возвращаться къ своимъ мѣстамъ, радуясь, что выжили изъ-подъ выстрѣловъ. Нѣсколько отрубанныхъ рукъ и ногъ лежали еще на столѣ неубранныя, и это врѣднѣе произвело на меня тяжелое впечатлѣніе. При мнѣ сдѣлали операцію кожедому французскому офицеру, у котораго вмѣсто губъ всегда вложили мяса: все это обязали ему немощами.

Дальнѣйшее наше шествіе во французскій лагерь было непріятное. Попадавшіеся намъ навстрѣчу нѣжные французскіе солдаты насъ ругали, англійскіе же, какъ болѣе цивилизованные, плавали, а турецкіе ограничивались крикомъ: «бонъ франсо!» Здѣсь высказалась вся ихъ холонская натура: сами по себѣ они ничтожность, такъ наде же ноги другихъ похвалять. Первую ночь

мы провели во французскомъ лагерѣ. Взоры минъ, перохосыхъ пороховъ, Николаевской казармы, продолжавшіеся всю ночь, зарево и сплошныя массы дыма, косившагося надъ Севастополемъ, дали намъ понять, что наши войска съ южной стороны перешли на сѣверную. Французы очень озлобленно смотрѣли въ сторону Севастополя, и, при каждомъ взрывѣ, разражались ругательствами. Генералъ Нелись первую ночь провелъ въ Севастополѣ, а на другой день, около одиннадцати часовъ утра, пріѣхалъ въ лагерь, въ свой штабъ, гдѣ и ми пѣвныя находились. Онъ велѣлъ намъ выдать пособіе: по пяти наполеондоровъ отъ имени императора французовъ, рубахъ съ подштанниками, носковъ теплыхъ и смннхъ шейныхъ платковъ.

Французскіе офицеры были съ нами очень вѣжливы, предупредительны, любезны и оказывали намъ большое вниманіе; стрѣлковыя же офицеры всѣхъ насъ пѣвныхъ, офицеровъ и юнкеровъ, угощали закуской съ прекрасными винами. Вообще французы народъ премилый, прелюбезный, и я изъ пѣва вынесъ о нихъ хорошее воспоминаніе.

Серныхъ травъ не сѣютъ: онѣ сами родятся.

Въ лагерѣ было много поляковъ. Французскіе офицеры и солдаты намъ говорили, что имъ было все извѣстно что дѣлается въ нашемъ лагерѣ, чрезъ шпионовъ-поляковъ. Служитель нашъ, французскій солдатъ, рассказывая намъ о сраженіи 4-го августа на Черной рѣчкѣ, разразился бранью на поляковъ за то, что они сообщали всѣ приготовленія русскихъ къ этому сраженію. Г. Тавскій, присмотру котораго мы были поручены, даже говорилъ намъ, что штурмъ былъ назначенъ днемъ соблавно потому, что войска русскія отдыхаютъ въ городѣ днемъ, а ночью стоятъ на батареяхъ. Прапорщикъ Бѣлаго распеваъ какого-то представителя крымскихъ татаръ, прилично одѣтого:—«Зачѣмъ вы противъ своего государя сформировали здѣсь отрядъ шпионовъ? Знаете-ли вы, что васъ ожидаетъ въ будущемъ? Кампанія скоро окончится, какой отвѣтъ вы дадите за вашу измѣну?» Напоминаніе будущаго такъ напугало татарина, что онъ сталъ оправдываться, якобы его французы жеманно держатъ у себя въ лагерѣ. Впоследствии наши пѣвныя офицеры видѣли въ Константинополѣ жидка, бывшаго въ русскомъ лагерѣ маритантомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, французскимъ шпиономъ. На французскія деньги сынъ Израиля отпрыгнул лавочку въ столицѣ правовѣрныхъ!....

Изъ лагеря насъ перевезли на шарабанахъ въ Камышевую Бухту, а оттуда на корабль «Шарлеманъ». Около бухты насъ окружили любопытные, но наши конвойные, понимая щекотливость нашего положенія, отстраивали отъ насъ толпу. Одинъ молодой арабъ поднялъ

руку съ камнемъ, чтобы бросить мнѣ въ нѣтъ; его предупредилъ французскій жандармъ ударомъ палкой по спицѣ. Гардемаришъ Виницкій, говорившій порядочно по-французски, передалъ мнѣ вопросъ доктора на кораблѣ: «крѣпше-ли я раненъ въ голову?» Я отвѣчалъ, что рана очень легкая, только кожа разрѣзана на черепѣ. Послеъ этого отвѣта г. Виницкій высказалъ сожалѣніе доктора, что голову мнѣ совсѣмъ не раздробило. Такая вѣжливость француза напомнила мнѣ, что недаромъ же у насъ въ Россіи нѣкоторыхъ животныхъ называютъ французами. На кораблѣ нашъ объявляли, что если, по занятіи французами Севастополя, отъ взрыва минъ французскія войска пострадаютъ (французы полагали, что минъ есть и въ городѣ), то Пелисье пѣвннхъ русскнхъ офицеровъ разстрѣляеть.... Любезность генерала Пелисье мы приняли за шутку; но когда впоследствии я прочелъ въ нашихъ журналахъ, что вся Франція была возмущена варварскимъ поступкомъ полковника Пелисье, задушавшаго въ 1848 году дѣтенокъ, въ Алжирѣ, нѣсколько тысячъ кабановъ, стариковъ, женщинъ и дѣтей, спрятавшихся въ пещерѣ, то я нисколько не сомнѣвался, что французскій свѣршнй жестокосъ способенъ былъ принести и насъ въ жертву своему звѣротву.

Пѣвннхъ русскихъ пемѣстивъ на одномъ изъ Принцевыхъ Острововъ, въ Мраморномъ Морѣ: офицеровъ въ городѣ, на квартирахъ, а солдатъ въ лагеряхъ, около греческаго монастыря. Насъ окружили разнаго рода бродяги-полюки съ «великими баканн» и съ немнѣрно-длинными усами, будто клыки у дикихъ кабановъ. Между этой сволочю находился и исвѣдѣцъ, бѣжавшій въ 1848 году изъ Варшавы въ Парижъ, гдѣ его поставили защищать баррикаду, при штурмѣ которой онъ былъ раненъ штыкомъ въ голову. Достойный служитель католицизма, какъ духъ тьмы, не отставалъ въ константинопольскомъ госпиталѣ отъ равныхъ русскнхъ пѣвннхъ, солдатъ и офицеровъ, уговаривая ихъ поступать въ формировавшійся польскій легіонъ для дѣйствія противъ Россіи. Одинъ солдатъ сказалъ этому козеду:—«Зачѣмъ же вы и меня, члѣто-русскаго, да еще съ одной рукой, приглашаете идти противъ моего отечества? Мнѣ оторвало въ сраженіи руку, и я не могу даже своимъ быть полезнымъ, а панъ «бенѣи нннѣ цѣхауѣѣ—тамъ «пану бенѣи добже».... Но одно скандальное обстоятельство принудило натора оставить госпиталь и избрать поприщемъ своихъ дѣйствій нашъ островъ. Дѣло въ томъ, что г. Демидовъ поручилъ французскимъ сослуживцамъ милосердія раздѣлять въ госпиталѣ русскнхъ офицерамъ одежду, и когда одинъ нашъ офицеръ зашелъ въ комнату сардобольной сестры взять пальто,

то засталъ сестру, сидящую на морани съ бѣльемъ, въ цѣтливой бесѣдѣ съ достопочтеннымъ есендромъ.... Послѣ этого скандала польскій донъ-жуанъ воспѣвшимъ убраться изъ госпиталя, а сардобольная сестра, чтобы задобрить офицера не разглашать тайны о ея отношеніяхъ къ есендру-ловеласу, выдала, вмѣстѣ одного, два мальца.... Вотъ такого-то сорта проходимицы преступной пропаганды, какъ зловредные мазмы разложившагося труна, переманивали нашихъ солдатъ (изъ поляковъ и татаръ) въ польскіе легіоны. Я сказалъ люблинцамъ, чтобы они провожали подлыхъ измѣнниковъ свистками и атуваньемъ, а эта простая демонстрація принесла хорошіе плоды: лишь только немногіе измѣнники польскаго и татарскаго отродія вышли изъ нашего лагеря для поступленія въ польскій легіонъ, солдаты подняли такой свистъ, застучали такъ усердно, что перелѣзчики спрятались въ свои палатки, а главный агитаторъ, панъ Стюартъ, бѣжавшій изъ Варшавы въ 1830 году, врывался съ палкой въ тѣ палатки, гдѣ свистѣли и кричали люблинцы.

Капитанъ 1-го ранга Барновъ, лейтенантъ Панфиловъ и другіе офицеры отравили коллективное письмо въ Константинополь къ генералу Дарше, чтобы онъ запретилъ полякамъ переманивать русскихъ солдатъ, а я съ подручникомъ Невилковымъ попросили священника, вѣстало въ плѣнъ въ Клибурнъ, отслужить солдатамъ обѣдню и напомнить имъ о долгахъ присяги царю и отечеству. Хотя поляки и встрѣчали дружный стпоръ со стороны русскихъ офицеровъ, шарангозавшихъ ихъ жодлуу агитациею, однако «его мость» Стюартъ не стѣснялся никакими средствами и прличіями: дерзости его дошла до того, что онъ обругалъ пращершиа Ормесковскаго, не хотѣвшаго поступить въ составленный изъ бродягъ польскій легіонъ.... И грустно, и смѣшно! А гдѣ «его мость» Стюартъ не одинъ разъ разсказывалъ о своемъ и другихъ поляковъ плечевномъ положеніи, въ нѣрое время ломанныхъ камней на подонной работѣ ради дневнаго пропитанія. Этотъ общественный параванъ, ленаведальмонный пройдоха Стюартъ, спрашивалъ фамиліи нашихъ офицеровъ, а если фамилія оказывалась похотомъ на польскую, а офицеръ былъ не поддѣтъ, то Стюартъ одозжалъ такихъ офицеровъ комплиментомъ: — «зачѣтъ нѣтъ есть повуръ (ублюдокъ)!» — Неодобнаго мерзавца, съ польскими «свельцамъ говорекъ», я не встрѣчалъ даже и между турками: его высокопозанолуніе колковникъ турецкой араіи, командантъ острова, былъ съ нами очень вѣлианъ и заходилъ даже двогца въ ланъ на чай. Вообще, на сколько ляхи-бѣгльцы притворятся смиренными, гвудимыми и пресмыкающимся въ Россіи, на сколько они дерзки и

нахальны за-границею. Нервѣзъ случалось намъ видѣть преслѣшіеся эвзепляры подобныхъ пройдохъ. Встрѣтишь иногда господина съ важнымъ видомъ, надутого какъ павлинъ, и, буди по его важности, подумаешь сначала, что это какой-нибудь германскій владѣтельный курфюрстъ, или же индѣйскій набобъ, а всмотрѣвшись поближе, убѣждаешься, что это дрянной полетчишка-шляхтичъ, бывавшій изъ такого захолустья, какъ Гейснаъ, Шаргородъ, или Бердичевъ, шатавшійся по всѣмъ закоулкамъ Европы изъ-за дневнаго пропитанія, при открытіи же военныхъ дѣйствій противъ Россіи опредѣлившійся къ французамъ на послыни...

Въ одно прекрасное утро, гуляя по берегу Мраморнаго Моря, любясь вселесномъ рыбѣ и кувыркнѣомъ дельфиновъ, я всматривался въ окружающую меня великолѣпную природу: вправо отъ нашего острова, невдалекѣ, былъ видѣнъ берегъ Азіи съ деревеньками, садами и рощами; влѣво цѣль острововъ, а въ наю, въ перспективѣ туманной дали, мелькали высокіе минареты Царяграда. Въ это время присталъ къ нашему острову пароходъ съ французскими войсками. Его «мось» Ствартъ рекомендовалъ, отъ имени генерала Паризье, собраться всѣмъ русскимъ офицерамъ въ отель Джакома. Здѣсь генералъ прочелъ намъ письмо, и пока онъ читалъ, мы замѣтили на лицахъ французскихъ офицеровъ и солдатъ, стоявшихъ съ ружьями у двухъ наружныхъ дверей, выраженіе негодованія противу своихъ же властей, а нашъ добрый знакомый, саперный офицеръ, только покачивалъ головой. Содержаніе письма заключалось въ томъ, что капитана 1-го ранга Карпова, лейтенанта Панфилова и другихъ офицеровъ, подписавшихъ упомянутый выше протестъ, генералъ Ларше обвинялъ за патріотическія чувства, высказанныя будто бы въ невѣжливыхъ выраженіяхъ ему, представителю французской власти. Мы всѣ единодушно возразили генералу Паризье, что протестъ нашихъ офицеровъ былъ написанъ въ вѣжливомъ и приличномъ тонѣ, что честь и достоинство русскаго офицера требовали дать отпоръ подлой агитаціи ляховъ, заманивавшихъ іезуитскими хитростями и обещаніями плѣнныхъ русскихъ солдатъ въ польскій легіонъ; мы прибавили, что если генералъ пріѣхалъ арестовать достойныхъ офицеровъ, подписавшихъ протестъ, то пусть сдѣлаетъ эту честь намъ всѣмъ. Послѣ длиннаго диспута, въ которомъ замѣшалось даже реальное и классическое образованіе народовъ, генералъ перешелъ къ дѣлу священника, котораго его «мось» Ствартъ обвинялъ въ изувѣрствѣ, будто бы онъ ввухалъ солдатамъ топить въ морѣ извѣстниковъ, поступающихъ въ польскій легіонъ. Однако добродушный Паризье не

могъ долго разыгрывать не свойственную ему роль свирѣпаго Аттилы: онъ сознался по совѣсти, что мы правы, стави противъ насъ полякамъ, но что принужденъ исполнить приказаніе генерала Ларше, чтобы хотя этихъ выказать расположеніе бонапартовскаго правительства къ бродягамъ—полякамъ.

Капитана 1-го ранга Барнова, лейтенанта Панфилова и капитана Блугина, за выраженныя ими патріотическія чувства, отправили въ марсельскую крѣпость подъ арестъ, а священника отослали въ Россію.

Разъ, прогуливаясь съ прапорщикомъ Лютикомъ, верхомъ на ослахъ, около лагеря, мы наткнулись на невзрачнаго польскаго монаха, тоже возсѣдающаго на ослѣ. Этотъ представитель католическихъ отшельниковъ, указывая рукой на лагерь нашихъ плѣнныхъ солдатъ, сказалъ мнѣ съ ехидной улыбкой: «вотъ русская Сибирь!»

— «Ошибаетесь, отче! мы на этомъ островѣ въ лучшихъ условіяхъ, чѣмъ былъ развѣнчанный Наполеонъ I на островѣ св. Елены».

Отвѣтъ мой наркотически подѣйствовалъ на почтеннаго монаха: онъ молча продолжалъ свою прогулку.

Въ одно сильно-туманное утро, когда самые близкіе предметы казались окутанными въ бѣлый саванъ, я съ молодымъ грекомъ, добрымъ моимъ знакомымъ Мишелемъ (фамилію его я, въ сожалѣнію, забылъ), стоялъ на бельведерѣ его дома въ Шерѣ. Сивозъ полупрозрачную пелену разсѣвавшагося тумана, передъ нами не совсѣмъ ясно обрисовывались красныя двигающіяся фигуры.

— Мишель? что это за красныя привидѣнія въ сосѣднемъ домѣ?

Мишель сконфузилъ меня громкимъ хохотомъ. — «Это не привидѣнія», отвѣчалъ онъ, «а англійскіе солдаты въ красныхъ мундирахъ. Въ домѣ былъ прежде турецкій кадетскій корпусъ; англичане вывели оттуда юное поколѣніе Турціи, и устроили тамъ свои кавалерійскія казармы съ конюшнями».

Такова всегда судьба народа, отдающагося добровольно въ опеку французамъ, и особенно англичанамъ, этимъ акуламъ человѣческаго рода, уничтожающимъ его во всѣхъ частяхъ свѣта.

Друзья и опекуны разлагающагося трупа Турціи, французы и англичанѣ, со своими прихвостниками сардинцами, такъ сдѣлались невыносимы правовѣрнымъ, что тѣ открыто вобунтовались въ Константинополь противъ своихъ благодѣтелей, и напали вооруженной силой, среди дня, на французскій госпиталь. Въ счастію французовъ, госпитальная прислуга ихъ была составлена изъ лучшихъ строевыхъ солдатъ; ба- рабавшихъ пробилъ тревогу, всѣ стали въ ружье, черезъ окна и двери

открыли огонь по превозвращающъ, а прибывшія французскія и турецкія войска разогнали толпы недовольныхъ. Войска съ артилеріей провели часть дня и ночь на площади.

ЭПИДОГЪ.

Въ послѣднихъ числахъ января 1856 года я распорочался съ островомъ и съ добрыми нашими единовѣрцами-греками, оказывавшими всѣмъ намъ чисто-родственное расположеніе. Достойный глубокѣе уваженія, старичокъ Иванъ Михайловичъ Руссо, былъ для насъ тѣмъ, чѣмъ добрый отецъ можетъ быть для своей семьи, а добрая мадамъ Маршанъ (русская, въ замужествѣ за иностранцемъ-докторомъ), являла относительно насъ материнское чувство: въ ней отовзался голосъ родной крови. Она, вмѣстѣ съ молодымъ грекомъ Мишелемъ, снабдила нашъ отель мебелью, посудой кухонной, серебрянными лѣжками, вилками, ножами, столовыми бѣльемъ, всѣмъ что намъ нужно было въ нашемъ домашнемъ хозяйствѣ. Много было и другихъ грековъ, память о которыхъ мы навсегда сохранимъ въ душѣ за ихъ вниманіе къ намъ. Но самымъ отраднымъ для меня событіемъ, во время нахождения моего въ плѣну, было письмо, полученное мною 5-го декабря 1855 года отъ общества офицеровъ Люблинскаго пѣхотнаго полка.

Вотъ это письмо.

Инкерманскія высоты, 18-го октября 1855 года.

Храбрый нашъ товарищъ!

«Письмо ваше на имя маіора Гедройца мы всѣ наперерывъ старались прочесть; но не изъ одного любопытства, а отъ радости, что нашъ храбрый товарищъ, достойный представитель люблинцевъ, живъ и подаетъ надежду со временемъ снова явиться въ ряды наши и быть украшеніемъ полка нашего.

«Предупреждаемъ васъ, дорогой Павловскій, что чувства, высказанныя въ этихъ немногихъ строкахъ, принадлежать не одному лицу, а обществу всѣхъ офицеровъ, которые имѣли счастье служить съ вами, и которые теперь гордятся вами.

«Каждый объ васъ сожалеетъ, что вы ранены и въ плѣну, и вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ насъ сочувствуетъ вамъ, какъ человѣку, выполнившему долгъ русскаго офицера и приобрѣтшему искреннюю любовь и искреннюю признательность своихъ товарищей.

«Мы всѣ единодушно желаемъ вамъ скорѣйшаго выздоровленія, и молимъ Бога, чтобы онъ доставилъ намъ случай скорѣе обнять васъ.

«Память о себѣ, какъ о прекрасномъ и храбромъ офицерѣ, въ навсегда оставилъ въ Люблинскомъ полку, пока будетъ служить въ немъ хотя одинъ изъ вашихъ товарищей.

«Примите письмо это, какъ искреннее выраженіе чувствъ признательныхъ къ вамъ люблинцевъ.»

(Деньги 190 рублей серебромъ и вещи отправлены были прежде этого письма»).

«Душевно уважающій и любящій васъ командиръ полка, полковникъ Николай Мазаракки. Штабъ-офицеры: Геодройцъ, Яновскій; оберъ-офицеры: Шутинскій, Баторскій, Жила, Александровъ, Барташевичъ, Пуцило, Золотковскій, Жуковскій, фонъ-Лаксъ, Мазаракки 2-й, Яковлевъ, Добжинскій, Мальскій, князь Гагаринъ, Доника 1-й, Марковъ, Ижицкий, Романенко, Бочарскій 1-й, Брасовскій, Масляниковъ, Мейеръ».

На французскомъ пароходѣ я отплылъ къ роднымъ берегамъ для разиѣна на плѣнныхъ французскихъ офицеровъ въ Одессѣ, и уже на пути сталъ выздоравливать отъ мучившей меня ностальгіи (тоски по родинѣ). Когда пароходъ вступилъ въ Босфоръ, глаза мои долго были прикованы къ выстроенному императоромъ Юстиніаномъ величественному храму святой Софій, этому краснорѣчивому памятнику былаго могущества Римской Имперіи, и я перенесся въ тѣ давно-прошедшія времена.... Грустно было смотрѣть на куполъ святой Софій, освѣщенный не животворящимъ крестомъ, а полумѣсяцемъ — символомъ ислама, т. е. смерти.

Въ февралѣ я былъ уже въ предѣлахъ отечества. Отъ имени общей доброй матери всей Россіи, Государыни Императрицы, намъ плѣннымъ выдали денежное вспомошествованіе: я получилъ сто рублей серебромъ; а Государь Императоръ изъявилъ свою монаршую отеческую милость, повелѣвъ зачесть проведенное въ плѣну время за дѣйствительную службу всѣмъ плѣннымъ, выдать имъ жалованье, а достойныхъ представить къ наградѣ.

Вспоминая, въ обществѣ офицеровъ, о послѣднемъ штурмѣ Севастополя, мы разговорились о погибшихъ нашихъ ратныхъ товарищахъ. Прапорщикъ Галузинъ былъ убитъ на орудіи, защищая его. При одной полевой пушкѣ не было артиллеристовъ; пѣхотный солдатъ, вырубивъ огня, прикладывалъ горѣвшій трутъ, вмѣсто фитиля, къ орудію, чтобы выстрѣлить въ непріятеля, но стремительно бросившійся на него французъ закололъ молодца штыкомъ. Моданскаго полка маіоръ Кованько былъ на Малаховомъ Курганѣ окруженъ

французы и восклицаютъ: «нехай мене убьють, а не сдамся и погибь на французскихъ штыкахъ».

Чувство самоохраненія сильно безсознательно развито во всякомъ человѣкѣ. Ни одинъ севавтопонецъ, смѣло глядѣвшій въ глаза смерти, не дѣлалъ изъ себя открытой мишени для непріятельскихъ выстрѣловъ. Мнѣ лично было извѣстно, что у штабсъ-капитана Ивана Федоровича Пуцыло чувство самоохраненія было развито въ высшей степени, и именно-же было мое удивленіе, когда я, по возвращеніи изъ плѣна, получивъ, 18-го февраля, привѣтъ по почтѣ: «подпоручика Павловскаго считать при долгу на лицо, и принять ему роту за смертію «застрѣлившася» штабсъ-капитана Пуцыло». Удивленіе мое воорасло, когда, по повѣркѣ ротныхъ денежныхъ книгъ, всѣ ротныя суммы оказались сполна, да осталась еще небольшая сумма его собственныхъ денегъ. Самоубійство штабсъ-капитана Пуцыло такъ и осталось неразъясненною тайною. Рассказывали только, что люди командуемой имъ роты были чѣмъ-то въ родѣ лазаретныхъ служителей при полковомъ лазаретѣ, всѣ переболѣли тифозной горячкой и исполняли черныя работы. Солдаты были большею частію рекруты, плохо приготовленные къ фронту; во всей ротѣ не было грамотныхъ; обязанности фельдфебеля, каптенармуса и ротнаго писаря исполнялъ самъ ротный командиръ.... А между тѣмъ начальствующіе стали, послѣ севавтопольскаго погрома, дѣлать войскамъ смотры, и бѣдному Пуцыло приходилось выслушивать выговоры въ такомъ тонѣ, что отъ него роту отнимутъ за плохое фронтовое образованіе ея. Вѣроятно, самолюбіе его было оскорблено, и онъ покончилъ со своею жизнію, не дождавшисъ даже окончанія кампаніи.

Какъ прощальный привѣтъ, послѣдній непріятельскій выстрѣлъ я слышалъ при штурмѣ Севастополя 27-го августа 1855 года. Нервная моя система такъ была потрясена, что, года два послѣ севавтопольской бойни, мнѣ очень часто во снѣ чудился пушечный раскатъ; порой представлялось: то бомба на меня падаетъ, то рыжебородый зуавъ, въ красныхъ панталонахъ, колеть меня штыкомъ, то земля дрожить подо мною отъ взрыва минъ, то я задыхаюсь отъ спертаго воздуха подъ башнею, въ подземной галереѣ, то ясно и отчетливо слышу слова унтеръ-офицера Модлинскаго полка, докладывавшаго поручику Бокзевичу, что нѣтъ возможности стоять штурцнымъ на баннеть, что непріятель выстрѣлами сбиваетъ валъ, и, въ подтвержденіе этого факта, съ верха башни на землю сыплются камни, сорванные непріятельскимъ ядромъ.... Все, видѣнное мною въ Севастополѣ на яву, проносилось

передо мною во снѣ, какъ въ kaleйдоскопѣ. Подобными безъзаченными галлюцинаціями страдали многіе защитники Севастополя.

2-го іюня 1857 года, за защиту Севастополя я удостоился быть награжденнымъ орденомъ св. Станислава 3-й степени съ мечами. Этою монаршею милостію оправдалась на мнѣ народная пословица, что «за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пронадесть».

Въ 1861 году декабря 15-го, Высочайшимъ приказомъ, я былъ уволенъ въ отставку, по прошенію, за безлѣзію, штабсъ-капитаномъ.

Такъ закончилось мое служебное поприще. Все прошедшее мое ступенчалось будто миражъ; остались одни воспоминанія пережитого— то тоскливаго, то радостнаго и пріятнаго, какъ великій и прекрасный Божій міръ.

Отставной штабсъ-капитанъ Иларіонъ Корвинъ-Павловскій.